

ДЕКАБРИСТЪ КНЯЗЬ Е. П. ОБОЛЕНСКІЙ.

(Пять неизданныхъ писемъ и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія) ¹⁾.

ВРОВОДИМЫЯ здѣсь письма декабриста князя Е. П. Оболенскаго адресованы имъ Андрею Васильевичу Протасьеву, мужу его сестры Екатерины, съ которой онъ былъ особенно друженъ. Они найдены въ числѣ прочихъ бумагъ, въ селѣ «Большія Можары» Рязанской губ., Сапожковскаго уѣзда, перешедшемъ отъ сына А. В. Протасьева—Евгенія Андреевича Протасьева къ моей матери З. П. Головинской.

Письма Оболенскаго охватываютъ весьма значительный періодъ времени, такъ какъ первое помѣчено 1830 годомъ, а послѣднее 1843 годомъ. Первое представляетъ особенный интересъ—въ немъ Оболенскій описываетъ жизнь свою въ Сибири за четыре года и пребываніе въ Нерчинскихъ заводахъ, о которыхъ не сообщаютъ ничего остальные его товарищи по ссылкѣ.

Въ происшествіяхъ 14-го декабря Оболенскій, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе и принадлежалъ къ числу старѣйшихъ членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества. Его обвиняли нѣкоторые въ нанесеніи раны штыкомъ Милорадовичу (см. «Всеноданный Докладъ Комиссіи»), но это обвиненіе можно считать вполне опровергнутымъ, какъ объясненіемъ самого Оболенскаго, такъ и разказами очевидцевъ. Самый характеръ Оболенскаго не допускаетъ мысли о чемъ-либо подобномъ. Блондинъ, съ голубыми глазами, чрезвычайно красивый (см. «Воспоминанія» Т. П. Пассекъ, «Русская Старина», т. 7, стр. 184, и «Записки» Фелькнера тамъ же, т. 2), Оболенскій отличался мягкостью въ обращеніи и религіозностью. Онъ всегда внушалъ къ себѣ симпатію въ окружающихъ и былъ любимцемъ своего начальника, генералъ-адъютанта Карла Ивановича Бистрома, командовавшаго всею пѣхотою гвар-

¹⁾ Письма эти находятся въ настоящее время въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова.

дейскаго корпуса, при которомъ состоялъ въ званіи старшаго адъютанта, въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи Фянляндскаго полка.

Оболенскій встрѣтилъ 1825 года въ Москвѣ, въ своемъ семействѣ, состоявшемъ изъ отца, уже престарѣлаго, матери (рожденной Магницкой, дочери М. Л. Магницкаго, см. «Русская Старина» т. 14, стр. 641) и многочисленныхъ сестеръ и братьевъ, а слѣдующій годъ встрѣчалъ уже въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Петропавловской крѣпости. Причисленный къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, благодаря тому, что былъ однимъ изъ трехъ предсѣдателей Общества и принималъ участіе въ дѣйствіяхъ на Сенатской площади, Оболенскій былъ приговоренъ къ смерти, замѣненной императоромъ Николаемъ ссылкой въ каторжныя работы безъ срока. 21-го іюля 1826 года, Оболенскій съ первою партіей арестантовъ былъ уже на дорогѣ въ Сибирь. Жизнь его въ ссылкѣ подробно описывается имъ въ печатаемыхъ нами письмахъ.

I¹⁾.

Милый другъ и братъ! Вотъ уже пятый годъ, что пера не бралъ въ руки и не изливалъ никому своихъ чувствованій:—давно желалъ я сказать тебѣ то, что у меня на душѣ, давно хотѣлъ тебѣ передать то, что со мною было въ продолженіе сего долгаго времени; но долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, и я удовольствовался перепискою черезъ Елизавету Петровну: ²⁾ Боязнь на-

¹⁾ Относительно этого письма слѣдуетъ замѣтить, что оно было доставлено не легальнымъ путемъ, какъ это видно изъ *post-scriptum'a*. Мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе число, выставленное на письмѣ (12 марта 1830 года), можно предположить, что оно находилось вмѣстѣ съ письмами, доставленными черезъ Дружинина княгинѣ Шаховской въ Иркутскъ, такъ какъ Дружининъ былъ выпущенъ въ началѣ 1830 года. Интересный рассказъ Якушкина о томъ, какъ Дружинину было поручено передать княгинѣ Шаховской желѣзный ящикъ, въ которомъ было множество писемъ и который былъ наполненъ табакомъ, а тотъ, ничего не зная, вынулъ табакъ и отослалъ въ бумагѣ, подаривъ ящикъ въ церковь, и какъ затѣмъ опять долженъ былъ его добыть, чтобы передать по назначенію, можно найти въ «Русскомъ Архивѣ», 1870 года, страницы 1609, 1610. Тотъ Дружининъ, такъ же какъ и его товарищи Тантыковъ и Колесниковъ, былъ лишь союзникомъ декабристовъ. Въ Оренбургѣ Завалишинъ 2-й вздумалъ образовать тайное общество, но затѣмъ самъ первый предалъ товарищей: Тантыкова, Колесникова и Дружинина, которые и заточены были въ Сибири съ декабристами. Письмо это могло быть также доставлено черезъ Фелицату Осиповну Смольянинову или черезъ одну изъ женъ декабристовъ.

²⁾ Е. П. Нарышкина. Сперва, какъ извѣстно, самимъ декабристамъ было запрещено писать, а писали за нихъ дамы. (См. «Записки Басаргина», сборникъ Бартенева «XIX вѣкъ», стр. 129, книга 1-я). Е. П. Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, была дочерью извѣстнаго генерала 1812 года. Ея братъ, подпоручикъ Коновницынъ былъ отнесенъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ числу государственныхъ преступниковъ девятаго разряда и осужденъ къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь, но Николай Павловичъ приказалъ преступниковъ этого разряда, по лишеніи дворянства и чиновъ, написать въ солдаты, въ

влечь на тебя новыя неудовольствія останавливала всякое покушеніе къ перепискѣ съ тобой.

Если теперь я нарушилъ это, то единственно отъ того, что не могу ни черезъ которую изъ нашихъ благодѣтельницахъ сказать тебѣ объ интересныхъ моихъ дѣлахъ.

Ты знаешь, милый другъ, что я долженъ Нарышкину 5,000 рублей.

Папенька призналъ этотъ долгъ, далъ вексель отъ себя Елизаветѣ Петровнѣ, и обѣщаль скорую уплату:—но вотъ уже четыре года, что онъ объ уплатѣ молчитъ;—зная ихъ стѣсненные обстоятельства, и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣренъ, что они не рѣшатся никогда, въ письмахъ своихъ обо мнѣ, упоминать объ долгѣ, я прибѣгаю къ тебѣ, милый другъ, и прошу тебя употребить всевозможныя усилія для убѣжденія батюшки къ уплатѣ священнаго для меня долга.—Если онъ не можетъ сего сдѣлать вдругъ безъ разстройства, то постепенная уплата не будетъ для него затруднительна.

Впрочемъ, ты знаешь лучше меня семейныя дѣла, и потому устройся, какъ умѣешь; но избавь меня, сдѣлай милость, отъ непріятнаго чувствованія неисполненія одной изъ священнѣйшихъ обязанностей.

По письмамъ отъ папеньки, кажется, что долгъ Сергѣя Борисовича ¹⁾ въ 300 рублей уплаченъ; и такъ съ этой стороны я покоенъ.—Расчетъ всѣмъ долгамъ я послалъ папенькѣ чрезъ моего Егорушку ²⁾ прежде 14-го и надѣюсь, что онъ дошелъ вѣрно.

дальніе гарнизоны. Коновницынъ 1-й былъ солдатомъ въ Сибири, потомъ на Кавказѣ, и умеръ въ 1850 году прапорщикомъ отъ дурного климата. Въ «Росписи государственнымъ преступникамъ приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда, осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ» о немъ говорилось: «принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ» Умирая, Милорадовичъ просилъ Николая Павловича помиловать Коновницына, сына своего друга (id стр. 272).

Младшій Коновницынъ, 16-ти лѣтъ, былъ тоже сосланъ на Кавказъ, потомъ прощенъ.

Мужъ Елизаветы Петровны, полковникъ Нарышкинъ, изъ Сибири былъ переведенъ на Кавказъ солдатомъ, потомъ, по просьбѣ сестры своей—Тучковой, игуменьи Спасо-Богородицкаго монастыря, прощенъ въ 1840 году и умеръ въ 1863 году. Первоначально въ Сибири Нарышкинъ былъ съ остальными въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, а въ 1832 году вышелъ на поселеніе съ преступниками, отнесенными къ 4-му разряду, къ которому былъ причисленъ. На поселеніи жилъ въ Курганѣ. Нарышкинъ принадлежалъ къ числу богатыхъ, такъ какъ вносилъ ежегодно 1,000 рублей въ артель. Е. П. Нарышкина въ Сибири чувствовала себя весьма одинокой, такъ какъ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, умерла у нея дочь, и не было ни дѣтей, ни родныхъ, въ числѣ товарищей мужа, по заключенію. (См. «Записки барона Розена», «Отечественныя Записки», 1878 г.).

¹⁾ Сергѣй Борисовичъ Леонтьевъ, мужъ сестры Оболенскаго—Маріи Петровны.

²⁾ Егорушка, преданный слуга князя Евгенія, котораго впоследствии онъ просилъ отпустить на волю.

По словамъ братьевъ, которыхъ я видѣлъ въ крѣпости, ¹⁾ верховая моя кобыла и упряжные были проданы за 3,600 руб. Дрожки, сани и остальное въ домѣ должно было принести около 1,500 руб. и потому я полагаю, что изъ всего моего долга осталось заплатить не болѣе пяти или шести тысячъ.

Окончивъ скучную статью объ деньгахъ, которые всегда были мои враги, какъ тебѣ извѣстно, расскажу тебѣ, любезный другъ, все, что со мною было въ продолженіе сихъ четырехъ лѣтъ:— 21-го іюля 1826 года выѣхалъ я изъ крѣпости. Не стану тебѣ говорить о томъ, что я чувствовалъ, разставаясь навсегда со всѣмъ тѣмъ, что оживляло мою жизнь. Въ понедѣльникъ я видѣлся съ братьями: ²⁾ Митя плакалъ, и я также. Сергѣй молчалъ; часъ времени мы проговорили объ отцѣ, о тебѣ, о домашнихъ, и едва нѣсколько словъ успѣли мы сказать, какъ часъ разставанія наступилъ; я надѣялся еще разъ съ ними увидѣться въ субботу, но въ среду въ полночь, ³⁾ мы уже были на дорогѣ въ Тихвинъ. Послѣ трехъ-недѣльнаго пути достигли мы наконецъ Иркутска, откуда послали насъ по заводамъ для назначенной намъ каторжной работы. Я и Якубовичъ попали на солончакъ, ⁴⁾ въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска.

Приѣхавъ къ мѣсту нашего назначенія, дали намъ недѣлю отдыха, послѣ котораго дали топоры въ руки и послали въ лѣсъ рубить дрова. Бодро пошли мы съ Якубовичемъ, съ топоромъ за поясомъ, и начали валить лѣсъ, и крупный, и мелкій. Работа казалась сначала тяжелою; но въ послѣдствіи привычка нѣсколько уменьшала ея тягость. Въ теченіе шестинедѣльнаго нашего пребыванія на семъ заводѣ мы были свободны, жили на своей квартирѣ, ходили на работу въ которое время вздумается, и признаюсь, самая каторга была довольно сносная, исключая отношеній къ мѣстному начальству, которыя вездѣ и всегда довольно неприятны. Что касается до денегъ, то хотя я выѣхалъ единственно

¹⁾ Въ «Воспоминаніяхъ о К. Ѳ. Рылѣевѣ» князя Евг. Оболенскаго, помѣщенныхъ въ сборникѣ Бартенева «Деятельный вѣкъ», кн. 1, Оболенскій говоритъ, что не видѣлъ никого изъ родныхъ и знакомыхъ съ 15-го декабря 1825 года, перваго дня заключенія, до 9-го іюля 1826 года, гдѣ, въ залѣ комендантскаго дома встрѣтился съ друзьями. Тамъ же, вѣрно, онъ видѣлъ и братьевъ въ первый разъ.

²⁾ Это было второе и послѣднее свиданіе.

³⁾ Черезъ 11 дней послѣ сентенціи были отправлены восемь человекъ: Артамонъ Захаревичъ Муравьевъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, двое Борисовыхъ, Трубецкой, Волконскій и Оболенскій. Имъ въ Сибири было гораздо хуже на первыхъ порахъ, чѣмъ декабристамъ, высланнымъ въ послѣдствіи.

⁴⁾ Они попали въ такъ называемое Иркутское Усолѣ. Начальникомъ завода былъ Крюковъ, обращавшійся довольно гуманно.

со ста рублями, которые мнѣ сунуль Егоръ Михайловичъ ¹⁾, передъ отъѣздомъ, вѣроятно, по твоему порученію; но я успѣлъ продать свои золотые часы, и хоть издержалъ много на дорогѣ, но осталось чѣмъ подѣлиться съ товарищемъ, у котораго ничего не было;— сверхъ того, княгиня Трубецкая ²⁾, пріѣхавъ вслѣдъ за мужемъ, послала намъ 500 рублей; сими деньгами мы завелись всѣмъ, что нужно для хозяйства, одѣлись кое-какъ и завелись бѣльемъ.

Мы уже думали завестись домомъ своимъ и основаться на долгое время въ заводѣ, гдѣ наша участь была довольно сносная, какъ вдругъ пріѣхали и объявили намъ повелѣніе отправиться въ Иркутскъ;—сопровождаемые казаками, со всѣми военными почестями, 6-го октября ³⁾ переправились мы черезъ Ангару. Изъ всѣхъ заводовъ собрали насъ въ одно время въ Иркутскъ; и тутъ увидѣлись мы въ первый разъ съ Трубецкимъ и Волконскимъ, ⁴⁾ съ

¹⁾ Плаць-маіоръ. Оболенскій былъ болѣе счастливъ, чѣмъ Басаргинъ, которому, напр. Е. М. сунуль передъ отъѣздомъ въ Сибирь десять серебряныхъ гривенниковъ въ бумажкѣ, хотя при арестѣ у Басаргина было отобрано 1,700 р. (См. «Записки Н. В. Басаргина» въ сборникѣ Бартенева «Деятельный вѣкъ», кн. I).

²⁾ Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль. Ея мужъ былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и дежурнымъ штабъ-офицеромъ четвертаго пѣхотнаго корпуса, но никогда не былъ назначаемъ губернаторомъ, какъ о томъ повѣствуетъ Лакруа. Ранѣе 14-го декабря онъ былъ назначенъ мятежниками главнымъ начальникомъ на этотъ день, но, обладая характеромъ нерѣшительнымъ, не явился на площадь.

Вечеромъ 14-го, Трубецкой былъ у своего родственника, австрійскаго посланника, графа Лебцельтерна, къ которому явился за нимъ, по приказанію Николая Павловича, графъ Нессельроде и тотъ долженъ былъ его выдать. Чрезвычайно курьезное описаніе его свиданія съ императоромъ у Лакруа. (См. «Исторія жизни и царствованія Николая I», сочиненіе Поля Лакруа, переводъ съ французскаго. Т. I. М. 1877—1878 годъ). Верховный Уголовный Судъ отнесъ его къ первому разряду, и приговорилъ къ смерти, но Николай смягчилъ наказаніе и назначилъ каторжныя работы безъ срока. Въ «Росписи» о немъ говорилось: «управлялъ (сверхъ) Тайнымъ Обществомъ, имѣвшимъ цѣлю бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ». Трубецкой принадлежалъ къ числу основателей общества. Въ Сибирь онъ попалъ съ первой партіи декабристовъ, (см. пред. примѣч.) и былъ назначенъ на винокуренный казенный заводъ около Иркутска (въ 70 верстахъ), но тамъ пробылъ не долго,— всѣхъ первыхъ восемь ссыльныхъ привезли въ Иркутскъ и затѣмъ отправили въ Нерчинскъ. (О жизни въ Нерчинскѣ см. текстъ). Изъ Нерчинска Трубецкой былъ переведенъ съ остальными въ Читту и Петровскій заводъ. Въ 1838 году кончился срокъ работъ, и въ 1839 году Трубецкой былъ поселенъ въ Иркутскѣ. Трубецкой принадлежалъ къ числу богатыхъ, такъ какъ вносилъ въ артель декабристовъ въ Петровскомъ заводѣ 2—3 тысячи ежегодно. (См. «Записки Басаргина», въ сборникѣ Бартенева «Деятельный вѣкъ», книга 1-я). Въ Сибири имѣлъ дѣтей.

³⁾ 1826 года.

⁴⁾ Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, бывший флигель-адъютантъ, генералъ 23-хъ лѣтъ, участвовалъ въ кампаніи 1812 года, постоянно находясь при

которыми и отправились въ Нерчинскъ. Прибывъ туда, послали насъ въ острогъ, или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтка въ два аршина длины и въ полтора ширины.—Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ, и опять запирали. Работа была подъ землею на 70 и болѣе сажень. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ; а они всѣ пользуются свободой, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки въ заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ, и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ.—Работа вообще не столь тяжела, какъ воображаютъ при видѣ сихъ ужасныхъ подземныхъ ходовъ, въ которые версты полторы и болѣе ходишь съ согнутою спиною, и лѣстницами, въ извѣстныхъ мѣстахъ, устроенными, спускаются въ самую глубину сей пропасти. Если количество работы не столь отяготительно, то сіе замѣняется невыгоднымъ положеніемъ во время работы: часто принужденъ работать въ дырѣ, пробиваемой въ стѣну, въ которой садились на колѣна, и принимаешь разныя положенія, смотря по высотѣ мѣста, чтобъ ударить молотомъ фунтовъ въ 15 или 20. Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ временемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее.

Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія:—въ душевной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, миллионъ клоповъ и разной гадины, осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоединя къ тому грубое обращеніе начальста ¹⁾, которое

государѣ, или главнокомандующемъ. Былъ женатъ на Марьѣ Николаевнѣ Раевской, воспѣтой Некрасовымъ въ поэмѣ «Русскія женщины». Верховный уголовный судъ отнесъ его къ первому разряду преступниковъ и приговорилъ къ смерти, но императоръ помиловалъ, назначивъ вѣчныя каторжныя работы. Волконскій съ первой партіей декабристовъ былъ отправленъ въ Сибирь и попалъ съ Трубецкимъ на винокурный заводъ около Иркутска. Затѣмъ переведенъ въ Нерчинскъ съ остальными, а изъ Нерчинска въ Читту и Петровскій заводъ. Наконецъ, когда, благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ, вышелъ срокъ каторжныхъ работъ преступникамъ 1-го разряда, Волконскій былъ поселенъ въ Иркутскѣ. Въ артель Петровскаго завода вносилъ 2—3 тысячи ежегодно, т. е. принадлежалъ къ числу богатыхъ. (См. «Записки Басаргина»). Въ Сибири имѣлъ дѣтей. Волконскій былъ возвращенъ въ 1856 году, и умеръ въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи въ 1865 году, а жена его въ 1863 году.

¹⁾ Начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ былъ нѣкій Бурнашевъ, человекъ возмутительный—«запленный мастеръ», какъ его называетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ «Запискахъ» (См. «Русская Старина», томъ 2-й, стр. 187), который очень сожалѣлъ, что высшее начальство не позволяетъ ему «вывести въ расходъ» государственныхъ преступниковъ.

привыкли обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому долженъ еще тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ иркутскаго губернатора квартальный, который долженъ былъ смотрѣть за нами; а отъ горнаго начальства офицеръ ¹⁾ горный, которому также поручено было смотрѣть надъ нами: горное начальство боялось донесеній квартальнаго, и потому строгость умножало: квартальный же боялся горныхъ и такимъ образомъ насъ окружали двѣ непріязненные силы, которыя старались только увеличить наши тягости.—Но какъ всему есть предѣлы, то и сему былъ также таковой. Съ февраля ²⁾ мѣсяца на насъ надѣли желѣзо, а съ весной насъ велѣно употреблять только въ работы, надъ землею, что по ихъ мнѣнію значило облегченіе въ работѣ, а по нашему увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему привыкнуть можно, исключая того, что оскорбляетъ собственное наше достоинство. Въ семъ послѣднемъ мы дѣйствительно получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ ³⁾ рѣже началъ насъ посѣщать, и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительнаго. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгинь Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду, и утѣшеніе. Воспоминаніе ⁴⁾ о всемъ томъ,

¹⁾ Нѣкій Рика, необразованный и грубый.

²⁾ 1827 года. Желѣза надѣли вопреки законоположеніямъ, освобождающимъ отъ этого лицъ привилегированнаго сословія, по распоряженію государя. Въ апрѣлѣ 1831 года сняли цѣпи. (См. «Русскій Архивъ», 1870 года. «Изъ записокъ декабриста Якушкина»).

³⁾ См. предыд. примѣч.

⁴⁾ Декабристы восторженно вспоминаютъ о всѣхъ дамахъ пріѣхавшихъ въ Сибирь къ мужьямъ. (См. «Записки Басаргина», въ сборникѣ Бартенева, «Десятинадцатый вѣкъ», книга 1-я, стр. 129; «Русскій Архивъ», 1870 года. «Изъ записокъ декабриста Якушкина», стр. 1592; «Записки барона Розена», «Отечественныя Записки» 1876 года, «Воспоминанія о пережитомъ и пережитомъ съ 1803 года» А. П. Бѣляева, глава XII «Русская Старина», томъ 30-й и т. д.). Назовемъ здѣсь этихъ дамъ: Е. П. Нарышкина (см. пред. примѣч.), Н. Д. Фонъ-Визина, урожденная Апухтина, М. Н. Волконская (см. пред. примѣч.), Е. И. Трубецкая (см. пред. примѣч.), Александра Григорьевна Муравьева, рожд. Чернышева, жена извѣстнаго Никиты Михайловича Муравьева, братъ которой графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, наслѣдникъ огромнаго майората, находился въ ссылкѣ вмѣстѣ съ ея мужемъ. Она умерла въ Сибири, въ Петровскомъ заводѣ, въ 1832 году. Далѣе назовемъ еще А. В. Ентальцеву, мужъ которой, подполковникъ Ентальцевъ, былъ сперва поселенъ въ Ялутуровскѣ, потомъ переведенъ на Кавказъ и сошелъ съ ума. Къ этимъ первымъ присоединились потомъ баронесса Розенъ и Юшневская. Женѣ Якушкина, Шереметевой, не было позволено пріѣхать. Затѣмъ Анненковъ женился въ Сибири, въ Читѣ, на французкѣ Ледантю, чрезвычайно красивой особѣ. Портретъ ея находится въ нашемъ родовомъ имѣніи, Симбирской губ., Буинск. уѣзда, деревнѣ Ивашевкѣ.

О женахъ декабристовъ см. также отдѣльную статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

что эти женщины оставили, чтобы раздѣлить участь своихъ мужей, всѣ препятствія, которыя онѣ преодолѣли, всѣ лишенія, которыя онѣ добровольно себя подчиняли, неудовольствія, которыя онѣ сносили, словомъ все, и даже одно присутствіе ихъ приносило намъ минуты неизъяснимыя: онѣ насъ кормили, одѣвали, — словомъ, были намъ болѣе, нежели родные: признаюсь тебѣ, любезный другъ, что это время было для меня очень тягостно. Оставленный отцомъ, не получая отъ него ни строки, въ продолженіе двухъ лѣтъ я думалъ, что обреченъ на всегдашнее забвеніе отъ него и отъ всѣхъ васъ. Время хотя не примиряло меня съ сею мыслию, но по крайней мѣрѣ заставило философствовать поневолѣ и убѣждаться, что нѣтъ ничего постояннаго въ мірѣ. Такъ прожили мы, любезный другъ, въ Нерчинскихъ рудникахъ или заводахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ, до октября мѣсяца, тутъ повезли насъ въ Читу, гдѣ уже были собраны всѣ нынѣшніе жители Читинской тюрьмы ¹⁾.

¹⁾ Скажу нѣсколько словъ объ этихъ «жителяхъ Читинской тюрьмы» и главнымъ образомъ, о первыхъ восьми, какъ ближе стоявшихъ къ Оболенскому. О Трубедкомѣ и Волконскомъ я уже упоминалъ. Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ, полковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка, принадлежалъ къ Южному Обществу и Верховный уголовный судъ, отнесъ его къ преступникамъ 1-го разряда, приговорилъ къ смертной казни. Помилованный съ товарищами, онъ былъ сперва на казенномъ винокуренномъ заводѣ около Иркутска, затѣмъ въ Нерчинскѣ, Читѣ, Петровскомъ заводѣ и съ 1839 г. въ Иркутскѣ на поселеніи. Въ Сибири занимался медициной (хирургіей, первоначально подъ руководствомъ штабъ-лекаря Вольфа и говорятъ довольно успѣшно). Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной полковникъ, родственникъ Волконскаго, также былъ причисленъ къ первому разряду и перевозимъ съ товарищами, до выхода на поселеніе въ Красноярскѣ въ 1839 г. Въ «Росписи» о немъ говорилось: «участвовалъ въ управленіи тайнаго Общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи Областей отъ Имперіи и приуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовой къ дѣйствіямъ». При вступленіи на престолъ императора Александра II, Давыдовъ былъ помилованъ, но ему не удалось пріѣхать на родину—онъ умеръ въ Сибири послѣ манифеста, Давыдовъ былъ очень богатъ—его бабка племянница Потемкина (см. о немъ «Заря», 1883 г.). Онъ чуть ли не одинъ изъ семейныхъ декабристовъ рѣшилъ самъ отослать дѣтей, съ перемѣною фамиліи, какъ-то было предложено въ 1842 г., въ Россію. Потомъ они опять приняли фамилію Давыдовыхъ.

Александръ Ивановичъ Якубовичъ, капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, былъ большимъ другомъ Оболенскаго. Съ нимъ онъ познакомился у постели умирающаго Чернова, на похоронахъ котораго въ первый разъ собрались всѣ вмѣстѣ члены Тайнаго Общества (см. «Воспоминанія о К. Ѡ. Рылѣевѣ» кн. Е. П. Оболенскаго, въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I). Не за долго передъ тѣмъ Якубовичъ перенесъ тяжелую операцію (въ 1823 году). Человѣкъ чрезвычайно энергическаго характера, Якубовичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 14-го декабря, хотя и не числился членомъ Общества. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ преступникамъ перваго разряда и онъ перенесъ общую съ ними участь. Въ 1839 году, когда кончился срокъ работъ, онъ былъ поселенъ въ Енисейскѣ, гдѣ устроилъ мыловаренный заводъ и жилъ безбѣдно. Средства для этого пред-

Насъ было восемь въ Нерчинскѣ: Трубецкой, Волконскій, Артамонъ Муравьевъ, Давыдовъ, Якубовичъ, два брата Борисовыхъ и я. Радостно обнялись мы съ товарищами. Нарышкина обнялъ я съ истиннымъ восторгомъ.

пріятія онъ получилъ отъ кн. Оболенскаго, какъ это видно изъ конца второго письма. Якубовичъ умеръ въ 1845 г.

Борисовы, первый—отставной подпоручикъ и второй—подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады, принадлежали къ Обществу Соединенныхъ Славянъ и, какъ основатели Общества и умышлявшіе на царубійство, были отнесены Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ первому разряду и имѣли общую съ преступниками этого разряда участь. По окончаніи срока работъ, были поселены въ Иркутскѣ. Въ Сибири составили коллекцію насѣкомыхъ и отослали московскому профессору Фишеру (см. «Записки Басаргина»).

Иванъ Ивановичъ Пуцинъ, коллежскій ассесоръ, пріѣхавшій позднѣе изъ Шлиссельбурга, гдѣ содержался вмѣстѣ съ Юшневскимъ, Дивовымъ, Пестовымъ и Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ, братомъ Марлинскаго (см. «Русскій Архивъ» 1870 г. «Изъ записокъ декабриста Якушкина», стр. 1581), находился 14-го декабря на площади рядомъ съ Оболенскимъ (см. «Воспоминанія» А. П. Бѣляева, «Русская Старина» томъ 30-й стр. 499). Когда Пуцинъ поступалъ въ гражданскую службу, Пушкинъ, его товарищъ по лицей и другъ, привѣтствовалъ это поступленіе стихами, думая, что своею честностью Пуцинъ можетъ быть чрезвычайно полезнымъ на этомъ поприщѣ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ Оболенскимъ, Пуцинъ составилъ о 14-мъ декабрѣ записки, напечатанныя за границей, которыя я, къ сожалѣнію, не могъ достать. О нихъ упоминается въ примѣчаніи «по поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ» Е. Я. въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, и въ статьѣ Н. Свистунова «Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14-мъ декабрѣ» «Русскій Архивъ» 1870 г. стр. 1664. Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. № 12 напечатано письмо И. И. Пуцина къ Э. А. Энгельгардту изъ Ялутуровска о жизни въ Сибири.

Въ Читинской тюрьмѣ находился между прочимъ извѣстный издатель историческаго сборника «Русская Старина» Корниловичъ, отправленный въ первомъ же году (въ 1827 г.) съ фельдъегеремъ на Кавказъ (см. замѣтку Сиротина «Декабристы» «Русская Старина», т. 29, стр. 422) и умершій въ 1835 г. солдатомъ отъ горячки, которой захворалъ, простудившись, спасая тонувшаго въ рѣкѣ товарища—солдата; подполковникъ Михаилъ Лунинъ, умершій въ каторжной работѣ за брошюру на англійскомъ языкѣ, напечатанную за границей; Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій,—изрубленный на Кавказѣ черкесами въ 1837 г. уже офицеромъ; Никита Муравьевъ, одинъ изъ основателей Сѣвернаго Общества (о немъ см. выше пред. примѣч.) съ своимъ родственникомъ гр. Чернышевымъ; лейтенантъ Завалишинъ, составившій записки и живущій до сихъ поръ въ Москвѣ; корнетъ Свистуновъ, живущій въ Москвѣ; поручикъ Басаргинъ, авторъ «Записокъ» въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ»; баронъ Штейнгель, подполковникъ Фаленбергъ, мичманъ Бѣляевъ и баронъ Розень, оставившіе записки; князь Одоевскій—извѣстный поэтъ, другъ Лермонтова, поселенный въ Иркутскѣ, затѣмъ переведенный на Кавказъ солдатомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и здѣсь умершій чахоткой отъ дурного климата въ 1839 г.; Александръ Николаевичъ Муравьевъ, братъ извѣстнаго Михаила Николаевича, умершій въ 1863 г. сенаторомъ въ Москвѣ; подполковникъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль, братъ повѣщеннаго; наконецъ сгорѣли въ Верхоленскѣ: Андреевъ и штабъ-капитанъ Рѣпинъ въ 1832 г. Сошли съ ума: Ентальцевъ (см. пред. прим.), Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, капитанъ Фурманъ, князь Шаховской, поручикъ Шахиревъ, полковникъ Враницкій, Петръ Александровичъ Бестужевъ. Всѣхъ декабристовъ въ Читѣ было 88.

Пуцинъ пріѣхалъ въ декабрѣ послѣ 20-ти-мѣсячнаго содержанія въ Шлюссельбургѣ. Съ того времени живемъ мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ. Четыре сарая служатъ намъ жилищемъ общимъ. Они довольно теплы; каждый изъ нихъ имѣетъ въ ширину аршинъ и $\frac{3}{4}$ мѣста, а длину сколько занимаетъ кровать. Первое пріятное чувство, которое я испыталъ, происходило отъ письма, которое я получилъ отъ отца вскорѣ послѣ пріѣзда въ Читу. Я опять ожилъ душою, увидѣлъ, что еще привязанъ къ міру нитью непрерываемою, священной, любви отца къ сыну, которой, казалось, долженъ былъ лишиться навсегда. Часто приходило мнѣ на мысль, милый другъ, что странны довольно люди, которые смѣшиваютъ политическое поведеніе человѣка съ его отношеніями гражданскими или семейными. Какъ политическій членъ общества я могъ быть подверженъ наказанію высшей власти; но если я исполнилъ по возможности обязанности сына, брата и друга, имѣютъ ли они право лишать меня того—что я заслужилъ прежними моими поступками. Пусть проступки семейные подлежатъ сужденію семейному, но проступки политическіе подлежатъ сужденію политической власти; зачѣмъ же прибавляютъ къ наказаніямъ политическимъ наказанія семейныя. Впрочемъ, я тебѣ говорю, милый другъ, это не потому, чтобы огорченіе двухлѣтняго молчанія вашего, оставило въ сердцѣ моемъ слѣды, ибо я впослѣдствіи былъ вполне вознагражденъ отцомъ за долговременное молчаніе. Его письма доставляли и доставляютъ мнѣ доселѣ одно истинное утѣшеніе, которымъ я могу пользоваться. Я вижу его любовь ко мнѣ, и для меня все остальное неважно. Признаюсь тебѣ, милый другъ, я сначала сѣтовалъ и на тебя, когда послѣ перевода твоего изъ Финляндіи въ дивизію, которая около Москвы, и наконецъ послѣ отставки твоей, я отъ тебя не получалъ писемъ, но одни поклоны въ письмахъ отца. Поклоны эти такъ мнѣ казались сухи, что я старался отогнать отъ себя мысли, которыя они во мнѣ возбуждали. Но вижу теперь, что ты не писалъ не по волѣ, а по неволѣ¹⁾. Теперь, милый другъ, кажется препятствій болѣе не предвидится и я надѣюсь что ты, любя меня по прежнему, будешь чаще вспоминать. Письма, милый другъ, ничего не значать, часто нечего сказать въ письмѣ, но они необходимы для сохраненія и оживленія чувства, соединяющаго двухъ людей. Ты скажешь, что письма не родятъ дружбы; но мы любимъ и умершихъ. Какая же разница отъ любви къ живымъ, если мы и съ тѣми и съ другими будемъ имѣть сношенія одинаковыя. Вотъ, милый братъ, мои мысли о семъ предметѣ. Я прошу тебя еще не затрудняться политическими

¹⁾ Андрей Васильевичъ Протасевъ относился гораздо лучше остальныхъ родныхъ къ кн. Евгенію, благодаря особенной дружбѣ существовавшей между кн. Евгеніемъ и сестрой Екатериной Петровной Протасевой, рожд. Оболенской.

отношеніями, которыя открываютъ твои письма всякому, кто имѣеть право и порученіе читать твои письма. У насъ съ тобою политическихъ сношеній нѣтъ. То же, что у меня на сердцѣ, я не затрудняюсь показать всѣмъ. И такъ пиши, милый другъ, ко мнѣ съ тою свободою, съ какою писалъ прежде. Если когда-нибудь я получу позволеніе лично передавать тебѣ мои мысли, то будь увѣренъ, что ты найдешь во мнѣ все, что было прежде. То же самое желаніе быть искреннимъ передъ тобою и изложить тебѣ въ письмѣ моемъ настоящее положеніе души моей. Теперь скажу тебѣ, милый другъ, что я съ большимъ удовольствіемъ узналъ о замужествѣ Вариньки ¹⁾. Провидѣніе, соединившее ее съ юношею 22-хъ-лѣтнимъ, душою невиннымъ, должно утвердить ее семейное благополучіе. Я не зналъ Михайловскаго ²⁾; но радовался, видя и Сашеньку пристроенною. Но признаюсь тебѣ, что сильно былъ тронутъ нѣсколькими строками, приписанными имъ ко мнѣ въ письмѣ сестриномъ. Эти строки показали мнѣ въ немъ человѣка истинно добраго и честнаго. Изъ сихъ строкъ я точно угадалъ, что Сашурка наша счастлива. Что же касается до Прончищева, то признаюсь тебѣ, я его не понимаю и не желаю его осуждать. Варинька написала мнѣ одно письмо и даже не отвѣчала Елизаветѣ Петровнѣ на то письмо, которое она ей обо мнѣ писала. Отъ него ни слуху ни духу. Странно, что каторжная работа, въ которой я нахожусь болѣе четырехъ лѣтъ, могла разрушить чувства, которыя должны пережить и насъ самихъ. Но то же самое я долженъ сказать и о братѣ Николаѣ, о сестрѣ Марьѣ ³⁾, о Сергѣѣ Борисовичѣ; жаль что число нѣсколько велико, но нечего дѣлать. Впрочемъ, не думай, чтобъ молчаніе ихъ меня тревожило; но признаюсь, что грустно разувѣриться въ людяхъ и этотъ опытъ, вѣроятно, не первый и не послѣдній для меня будетъ ⁴⁾. Что скажу теперь о здѣшнемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ? Насъ въ одномъ домѣ или въ четырехъ большихъ комнатахъ 42 человѣка. Остальные въ другихъ тюрмахъ разсажены тоже какъ и мы. Изъ числа твоихъ знакомымъ Нарышкинъ и Пуцинъ живутъ со мною въ одномъ домѣ, но въ разныхъ комнатахъ. Цѣлый день у насъ какъ въ солдатскихъ казармахъ,

¹⁾ Варвара Петровна Оболенская вышла замужъ за Прончищева.

²⁾ Александра Петровна Оболенская была замужемъ за Михайловскимъ.

³⁾ Марья Петровна Оболенская была замужемъ за Сергѣемъ Борисовичемъ Леонтьевымъ.

⁴⁾ Описаніе жизни ссыльныхъ въ Читинской тюрмѣ желающіе сравнить могутъ найти: «Воспоминанія о пережитомъ и пережитомъ съ 1803 г.» А. П. Бѣляева, гл. XII, въ «Русской Старинѣ», т. 30; «Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ» Д. И. Завалишина въ «Русской Старинѣ», т. 32; «Записки Н. В. Басаргина», сборникъ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, стр. 127 и слѣд.; «Записки Мих. Алек. Вестужева» — «Русская Старина», т. 2; «Записки барона Розена» «Отечественныя Записки», 1878 г. и т. д.

которыя ты довольно часто посѣщаль: шумъ, споры о предметахъ философскихъ, ученыхъ и тому подобное, которые большею частію служатъ къ тому, чтобы убить часа три или четыре долгихъ нашихъ дней. Встаю я рано, читаю, занимаюсь кой-чѣмъ умственнымъ пока всѣ спятъ и тишина не нарушена; потомъ опять читаю, но для препровожденія времени болѣе нежели для занятія. Нѣсколько часовъ въ день посвящаю механическимъ трудамъ: столярничая, шью ¹⁾ или подобное что-нибудь дѣлаю. На казенную работу ²⁾ ходимъ мы черезъ день. Наша обязанность смолоть муки десять фунтовъ на ручныхъ мельницахъ. Для меня работа не тяжела, потому что, слава Богу, силы физическія доселѣ меня не оставляютъ; но для тѣхъ, у которыхъ грудь слаба, работа эта тяжеленька. Лѣтомъ начинаются у насъ работы каждый день и утромъ и вечеромъ: мы дѣлаемъ дороги, починяемъ старыя, ровняемъ улицы, такъ чтобы вездѣ проѣхать какъ шаромъ прокатить. Сверхъ того, у насъ собственный нашъ огородъ, на которомъ трудовъ не мало ³⁾: на сто человѣкъ заготовить запасу на зиму—не маловажный трудъ. 105 грядъ каждый день полить занимаетъ по крайней мѣрѣ часовъ пять или шесть въ день. Осенью мы собираемъ овощи съ грядъ, квасимъ капусту, свеклу, укладываемъ картофель, рѣпу, морковь и другія овощи для зимняго продовольствія и такимъ образомъ невидимо настаетъ октябрь и зимнія, долгія ночи опять заставляютъ обращаться къ трудамъ умственнымъ. Вотъ тебѣ, милый другъ, круговое теченіе нашего года. Что касается до внутренняго, душевнаго состоянія моего, то скажу тебѣ, что я спокоенъ душевно и ищу болѣе утѣшенія въ самомъ себѣ, нежели во внѣшнихъ предметахъ. Религія доставляетъ мнѣ истинное душевное утѣшеніе. Я говѣю три раза въ году и это три эпохи, въ которыхъ я обновляюсь новою жизнью и—вновь душою и духомъ. Это три

¹⁾ Бѣляевъ въ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что Оболенскій, Кюхельбекеръ, Павелъ Сергѣевичъ Вобрищевъ-Пушкинъ, Загорецкій и Фроловъ составляли артель портныхъ. Оболенскій пожертвовалъ байковое одѣяло Бѣляеву и сшилъ ему изъ него казакинъ (стр. 810). Онъ же давалъ братьямъ Бѣляевымъ уроки англійскаго языка и они въ одинъ годъ перевели сочиненіе Gibbon'a «History of the decline and fall of the Roman Empire», сдѣлавъ такимъ образомъ этотъ замѣчательный трудъ доступнымъ товарищамъ. По воскресеньямъ устраивались религіозныя чтенія, на которыхъ присутствовали, кромѣ Оболенскаго, еще Пушкинъ, Крюковъ, Завалишинъ, Басаргинъ, Одоевскій, Мозгалевскій.

²⁾ Первоначально работа состояла въ томъ, чтобы наполнять какой-то ровъ, носившій названіе Чертовой Могилы, затѣмъ стали молоть муку на ручныхъ мельницахъ. Мука выходила никуда негодная. Мололи лишь желающіе. Иныя посылали кого-либо изъ сторожей за себя на эту работу. Вообще, мѣсто этой работы представляло изъ себя нѣчто въ родѣ клуба декабристовъ, куда они собирались играть въ шахматы и разговаривать (см. «Записки Басаргина», стр. 128 и «Изъ Записокъ декабриста Якушкина», стр. 1595).

³⁾ Оболенскій съ особенною любовью занимался садоводствомъ и огородничествомъ.

времени, въ которыхъ истина яснѣе намъ представляется и мы живѣе и сильнѣе чувствуемъ истинно доброе, истинно хорошее. Остальное время года я занимаюсь болѣе философскими предметами ¹⁾. Книгъ философскихъ у насъ здѣсь не много, и потому я просилъ бы тебя прислать и мои нѣмецкія всѣ и еще нѣсколько другихъ, о которыхъ я упомянулъ въ письмахъ къ отцу. По послѣднему твоему письму я вижу, что мнѣ нечего ожидать присылки ихъ. Если же ты захочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то отправь мнѣ тѣ книги, которыя найдешь, и въ особенности все, что ты найдешь философіи Шеллинга или Оккена, черезъ Нарышкиныхъ сестеръ, которыя съ удовольствіемъ доставятъ брату все, что ты перешлешь для меня. Я знаю очень, что твои финансы не позволяютъ тебѣ большихъ издержекъ ²⁾, но я и не прошу тебя лишняго, а по немногу скопи денегъ и перешли два, три творенія, и я буду доволенъ. Что касается до денегъ, посылаемыхъ мнѣ отцомъ, то я желалъ бы получать вѣрнаго дохода 1,000 въ годъ, т. е. каждую треть или въ три мѣсяца 250. Меня лично обезпечило бы и менѣе, но надобно тебѣ сказать, милый другъ, что у насъ здѣсь многіе не получаютъ отъ родныхъ, по бѣдности ихъ, совершенно никакого пособія, и потому все то, что получаютъ остальные, дѣлится между такимъ количествомъ людей, что каждая присылка денегъ дѣлается совершенно незначительной, удовлетворяя необходимѣйшимъ нуждамъ другихъ ³⁾. Обѣдъ (и ужинъ зачеркнуто) нашъ состоитъ изъ двухъ блюдъ, ужинъ изъ одного; чай утромъ и вечеромъ съ молокомъ—вотъ все, что мы можемъ себѣ позволить,

¹⁾ Въ Петровскомъ заводѣ Оболенскій читалъ лекціи по философіи, см. «Воспоминанія Бѣляева».

²⁾ А. В. Протасевъ не получилъ большого приданаго за Екат. Петровн. Оболенской. Изъ росписи, собственноручно подписанной кн. Петромъ Николаевичемъ Оболенскимъ, видно, что Протасевъ получилъ 20,000 р. ассигнаціями, вещей на 24000, двороваго человѣка съ женой и трехъ дѣвокъ.

³⁾ Въ Читѣ отпускалось отъ правительства на содержаніе 6 к. мѣдью и 2 пуда муки на каждого заключеннаго въ мѣсяць. Конечно, этого было совершенно не достаточно. Многіе, не получавшіе ничего отъ родныхъ, вынужденные крайностью, рѣшались просить прибавки. Однако остальные совершенно правильно сочли, что это было бы унижительно для всѣхъ и дѣло уладилось. Образовалась впоследствии артель, въ которую каждый дѣлалъ взносы по мѣрѣ возможности, оставляя себѣ лишь необходимое. На нѣкоторыхъ вкладчиковъ я уже выше указывалъ, то были: Трубецкой, Волконскій, Ивашевъ, Нарышкинъ, Фонъ-Визинъ и др. Такимъ образомъ, каждый нуждающійся, не обязываясь ни передъ кѣмъ изъ болѣе богатыхъ товарищей, получалъ все необходимое. Среднимъ числомъ, доходъ каждого декабриста можно опредѣлить въ 500 р. Выходящіе на поселеніе безъ собственныхъ средствъ получали одновременно до 700 р. Уставъ этой замѣчательной артели можно найти у Басаргина (см. «Записки Басаргина», сборникъ Бартенева «Деятельный вѣкъ», кн. I. ст. 149). Эта артель можетъ, между прочимъ, служить лучшимъ доказательствомъ того, что во всякомъ товариществѣ все зависитъ главнымъ образомъ не отъ устава, а отъ степени нравственнаго развитія сочленовъ.

смотря по присылкѣ денегъ. Мы бывали безъ чаю въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и болѣе. Иногда мы можемъ только пить чай одинъ разъ въ день, и такъ далѣе: уменьшеніе и увеличеніе нашихъ доходовъ есть мѣра нашихъ потребностей. И потому, любезный другъ, я желалъ бы душевно получать положительный доходъ, который достаточенъ былъ бы для меня и двухъ другихъ еще. Что касается до бѣлья, платья и пр. то здѣсь все разойдется очень скоро и будь увѣренъ, что всякая присылка сюда есть истинное доброе дѣло ¹⁾. Тебѣ предоставляю исполнить въ семь случаевъ потребности собственнаго твоего сердца. Между многими, которые родными оставлены, находится здѣсь нѣкто Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ, племянникъ родной извѣстнаго тебѣ Михаила Ивановича Тютчева. Онъ служилъ въ старомъ Семеновскомъ полку ²⁾, имѣлъ собственное материнское имѣніе, приносившее ему довольно дохода. Отецъ его съ того времени, какъ онъ взятъ въ крѣпость, и доселѣ не писалъ и не посылалъ ему ни копѣйки. Если ты увидишь кого-нибудь изъ Тютчевыхъ, бывшихъ лейбъ-гусаровъ, то скажи имъ о положеніи ихъ брата и авось-либо они помогутъ ему у отца его. Прощай, милый другъ; одно условіе съ тобою при полученіи сего письма: совершенное молчаніе объ немъ и ради Бога храни совершенную тайну о способахъ какими оно доставлено. Молю Бога, чтобы оно дошло до тебя и доставило тебѣ отраду и утѣшеніе. Въ знакъ того, что письмо это дошло до тебя, скажи въ твоёмъ письмѣ что-нибудь о книгахъ или Тютчевѣ. Объ успѣхѣ же въ денежныхъ дѣлахъ я узнаю изъ писемъ отцовскихъ. Христосъ съ тобою, милый другъ, мысленно обнимаю тебя

Е. Оболенскій.

12-го марта, 1830 года.

P. S. Еще нѣсколько словъ хочу приписать къ тебѣ, милый другъ. вмѣсто условленнаго знака, о которомъ я тебѣ писалъ, т. е. сказать нѣсколько словъ о Тютчевѣ или о книгахъ,—если ты получишь это письмо, то отвѣчай по слѣдующей почтѣ и выставь наверху: понедѣльникъ « — » числа. Но чтобы еще болѣе удостовѣрить меня въ полученіи сего письма, то напиши въ самомъ письмѣ: извѣстіе о тебѣ отъ марта мѣсяца мы получили, и называй

¹⁾ Конечно, всякая присылка была «истинно добрымъ дѣломъ», хотя часто доброе намѣреніе посылавшихъ не имѣло результатовъ для декабристовъ. Вещи перехватывались, подмѣнивались и т. д. почтовыми чиновниками и низшимъ начальствомъ.

²⁾ Тютчевъ въ 1821 году переведенъ былъ изъ Семеновскаго полка въ одинъ изъ полковъ 8-й дивизіи. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ числу преступниковъ второго разряда и приговорилъ къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ, но благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ правительства срокъ работъ преступникамъ второго разряда истекъ въ 1835 г., а въ іюль 1836 г. Тютчевъ съ товарищами вышелъ на поселеніе.

Сашеньку Михайловскую Сашуркой. Въ своихъ письмахъ не упоминай о присылкѣ какихъ-либо книгъ или вещей, о которыхъ я тебѣ писалъ, на примѣръ Шеллинга или Оккена, но просто скажи, что они вновь вышли и ты ихъ присылаешь мнѣ; равнымъ образомъ о всѣхъ другихъ вещахъ. Я не пишу къ папикѣ, потому что боюсь его испугать и ввести въ сомнѣніе, что онъ можетъ подлежать когда-либо отвѣтственности за полученное письмо. Предоставляю тебѣ, милый другъ, найти время и случай показать ему письмо такимъ образомъ, чтобы не растревожить его. Касательно книгъ, которыя я тебя прошу прислать черезъ Нарышкиныхъ сестеръ, то это единственно потому, что я увѣренъ, что папика, жалѣя расходы, ограничиться хочетъ въ присылкѣ книгъ тѣми, которыя у него въ библиотекѣ. Но мнѣ невозможно удовольствоваться симъ. Я przygotowляюсь къ 20-ти-лѣтнему заключенію тюремному и потому выбираю себѣ такого рода занятія и чтеніе, которыя можно нѣсколько разъ перечитать съ новымъ удовольствіемъ и пользою. Если ты узнаешь, что выходитъ въ свѣтъ всемірная исторія Шеллинга съ товарищами, подъ названіемъ—*das Weltall*, то пришли. Въ университетѣ ты найдешь источникъ всѣхъ сихъ извѣстій литературныхъ. Ничего еще не говорилъ я тебѣ о братьяхъ ¹⁾. Извѣстіе о томъ, что они разжалованы въ рядовые

¹⁾ Считаю не лишнимъ привести здѣсь переписку гр. Дибича о братьяхъ Оболенскаго съ княземъ Петромъ Николаевичемъ Оболенскимъ. Дибичъ писалъ князю слѣдующее:

«Милостивый Государь

«Князь Петръ Николаевичъ!

«Государь Императоръ, принимая искреннѣйшее участіе въ постигшемъ васъ недавно семейственномъ несчастіи, тѣмъ съ вѣщимъ нынѣ соболѣзнованіемъ раздѣляетъ горестъ вашу, что ваше сіятельство получите новое огорченіе чрезъ поведеніе двухъ сыновей вашихъ Дмитрія и Сергѣя, въ пажескомъ корпусѣ воспитывающихся. Оба они своимъ поведеніемъ, нравомъ упорнымъ и непреклоннымъ, первый издавна, а послѣдній съ самаго поступленія своего въ корпусъ, обратили на себя особенное вниманіе и попеченіе корпуснаго начальства, но всѣ мѣры снисхожденія и строгости къ ихъ исправленію были истощаемы безъ всякой пользы и даже безъ малѣйшихъ видовъ къ улучшенію ихъ нравственности обыкновенными способами, принятыми въ учебномъ заведеніи для воспитанія благороднаго юношества. Посему корпусное начальство нашлось въ необходимости войти съ представленіемъ и Его Величество съ крайнимъ сожаленіемъ принужденъ былъ согласиться съ онымъ, дабы сихъ молодыхъ людей удалить изъ корпуса, въ коемъ дальнѣйшее ихъ пребываніе не только не обѣщаетъ собственно для нихъ никакой пользы, но дурные ихъ примѣры обращаются во вредъ совоспитанникамъ ихъ. По крайней мѣрѣ, Его Величество надѣется, что сіи мѣры строгости, можетъ быть во время еще принятія, предупредая дальнѣйшее зло, послужатъ къ собственному сыновей вашихъ счастью и ваше родительское сердце найдетъ утѣшеніе въ будущемъ ихъ лучшимъ поведеніи, для достиженія сей цѣли, единственно изъ уваженія къ вамъ и по участію въ горестномъ вашемъ положеніи Его Величество при назначеніи сыновей вашихъ на время рядовыми въ одинъ изъ полковъ финляндскаго отдѣльнаго корпуса, поручить ихъ соизволивъ особенному попеченію командира онаго

меня не изумило, какъ ты можешь легко себѣ представить. Зная слабое смотрѣніе корпуса и при томъ неуваженіе воспитанниковъ къ начальникамъ безнравственнымъ, я убѣжденъ былъ, что первое увеличеніе строгости возбудитъ между юношами негодованіе и будетъ причиною шума, котораго слѣдствія обрушатся на двухъ или трехъ. Жребій этотъ палъ на братьевъ и я признаю себѣ не почитаю великимъ несчастіемъ то, что они лишились карьеры, какъ у насъ говорятъ. Напротивъ—несчастіе должно закалить ихъ характеръ и по неволѣ кладетъ печать твердости на слабодушіе. Я Сережей былъ всегда доволенъ; Мишенька мягкосердечнѣе, но слабѣе духомъ. Сверхъ того, я очень доволенъ тѣмъ, что они въ Финляндіи, гдѣ общество гораздо образованнѣе нашего и гдѣ самое

генераль-адютанта Закревскаго, возложивъ на него употребить все старанія къ исправленію ихъ нравственности и ко внушенію имъ правилъ должнаго повиновенія и покорности начальству.

«Извѣщая объ ономъ Ваше сіятельство по Высочайшей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью

«Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

«Графъ Иванъ Дибичъ.

«Санктъ-Петербургъ

«№ 1662-ой

«24-го Сентября, 1827 года.

Князь Оболенскій на это письмо отвѣчалъ письмомъ къ государю:

«Всемилоствѣйшій Государь.

«Въ болѣзненномъ чувствѣ душевно и тѣлесно находясь осчастливленъ милостивымъ изъявленіемъ къ скорбіямъ моимъ, какъ вѣрноподданный ощущаю таковой Величайшій даръ. Владыко праведный, судъ творящій надъ виновными, принимаетъ участіе съ соболѣзнованіемъ и раздѣляетъ горестъ отца. Государь! Клянусь тебѣ, что таковая ко мнѣ сострадательная милость и вѣще что ничѣмъ не заслужилъ ее столь воздѣйствовала, что внемля Высочайшей твоей волѣ достойно изложенной наказаніемъ сыновей моихъ, возчувствовалъ, вздохнувъ со слезами теплой молитвы къ Всевышнему за Царя благотворящаго къ пользѣ заблудшихъ бремя старости и печали облегчая упованіемъ на милосердіе съ благовѣйнымъ чувствомъ припадаетъ къ священнымъ стопамъ

«В. И. В. вѣрноподанный

«кн. П. Н. Оболенскій.

Послѣ сего Дибичъ написалъ Оболенскому слѣдующее письмо.

«М. Г.

«Кн. П. Н.

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу отъ меня письма Вашего Сіятельства ко мнѣ объ обращеніи сыновей вашихъ въ юнкера Высочайше отозваться изволилъ, что Его Величество о дѣтяхъ вашихъ, имѣя попеченіе съ чувствомъ равнымъ отеческой вашей объ нихъ заботливости, не оставитъ распорядиться устроеніемъ будущаго ихъ положенія. Поставляя себѣ пріятнымъ удовольствіемъ извѣстить Ваше Сіятельство о такомъ Монаршемъ отзывѣ имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ

«№ 9 Мая, 11 дня

? года

«Вашего Сіятельства покорн. слуга

«И. Дибичъ.

гражданское устройство доставляетъ каждому болѣе личнаго уваженія къ самому себѣ. По сему, находясь между такими людьми, невольно получаемъ навыкъ къ доброму и хорошему. Одно что могло меня тревожить—это былъ добрый нашъ родитель, коего могли растроить столько ударовъ, одни за другимъ ему посылаемыхъ. Но и его Благое Провидѣнiе подкрѣпило, и я душевно благодарилъ Всевышняго за помощь имъ оказываемую въ то время, когда она необходима. Если можно имъ будетъ писать ко мнѣ, то скажи имъ, что я много буду утѣшенъ ихъ письмами не только по чувству брата, но еще болѣе по участию душевному, которое я принимаю въ первыя лѣта ихъ юности. Вотъ еще моя просьба къ тебѣ. У Сережи жилъ бѣдный студентъ Петербургскаго университета Александръ Васильевичъ Никитеньковъ¹⁾. Ты я думаю знаешь его исторiю. Сдѣлай милость увѣдомь меня о его судьбѣ. И если нужно, то помогай ему по возможности. Не забывай также моихъ добрыхъ служителей Егорушку и Петрушу. И если можно выпустить ихъ на волю, то я душевно былъ бы радъ. Еще нѣсколько словъ о денежныхъ обстоятельствахъ. Ты увидѣлъ изъ письма моего, что княгиня Трубецкая послала мнѣ 250 р. Деньги эти я получилъ не въ заемъ и потому уплата ихъ не есть вещь, касающаяся честнаго слова моего. Но вообще признаюсь тебѣ, любезный другъ, я желалъ бы душевно имъ возратить эту сумму, не потому чтобы они хотѣли бы воротить, единожды ими данное въ день нужды, но по внутреннему чувству деликатности, которое заставляетъ всякаго отплатить тѣмъ же того, кто его обязалъ. Я уже теперь не въ бѣдности и потому прiятно было бы имъ отдать эти деньги, тѣмъ болѣе что они теперь весьма часто бываютъ въ нуждѣ. Если ты это письмо покажешь папинькѣ, то онъ можетъ легко сіе исполнить или выслать прямо ко мнѣ 500 р. трехъ мѣсячнаго моего содержанія вмѣсто 250; тогда я и сочтусь съ Трубецкимъ, или выслать эти деньги прямо на имя княгини Трубецкой, какъ давнишній мой долгъ мужу ея. Сверхъ того, по первоначальномъ прибытіи моемъ въ Иркутскъ я писалъ къ папинькѣ о 220, которые я взялъ у Артамона Муравьева на дорогѣ и далъ ему росписку въ оныхъ съ тѣмъ, чтобы уплатить его женѣ. Не знаю дошло ли это письмо; въ случаѣ неполученія, похлопочи объ уплатѣ оныхъ. Вотъ теперь, кажется, все сказалъ. Прощай, милый другъ, обнимаю тебя мысленно, да будетъ надъ тобою благословеніе Всевышняго. Твой другъ и братъ Е. Оболенскій.

Въ томъ же году въ началѣ осени, состоялось переселеніе декабристовъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, гдѣ для нихъ строилось помѣщеніе. Описаніе путешествія изъ Читы въ заводъ можно

¹⁾ Известный впоследствии профессоръ и писатель.

найти у Басаргина, Розена и другихъ (см. «Записки Басаргина», стр. 143; «Записки Розена» «Отечествен. Записки», № 4, глава X; «Записки Мих. Алек. Бестужева» «Русск. Старина», т. 2). Описание жизни въ Петровскомъ заводѣ можно найти въ запискахъ многихъ декабристовъ, не разъ мною цитированныхъ, между тѣмъ какъ описание жизни въ Нерчинскѣ, какъ я говорилъ уже выше, оставилъ лишь Оболенскій въ приводимомъ письмѣ, которое поэтому пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Изъ его товарищей, первыхъ восьми ссыльныхъ, никто не писалъ записокъ или, по крайней мѣрѣ, не печаталъ, другіе же декабристы (напр. Бестужевъ) могли говорить о жизни въ Нерчинскѣ лишь по рассказамъ. Слѣдующее письмо уже писано изъ Петровскаго завода. Вѣроятно оно относится къ 1838 г. Оболенскій говоритъ въ письмѣ, что «съ 21-го года я съ тобою не видался—вотъ уже прошло 17 лѣтъ съ того времени», т. е. письмо писано въ 1838 году. Далѣе Оболенскій говоритъ о плацъ-маіорѣ Осипѣ Адамовичѣ Лепарскомъ, который ранѣе былъ лишь плацъ-адъютантомъ. Этотъ Лепарскій былъ племянникомъ извѣстнаго коменданта Станислава Романовича Лепарскаго, умершаго въ 1837 году, о которомъ съ единодушной похвалой говорятъ всѣ декабристы въ своихъ запискахъ, за исключеніемъ Д. И. Завалишина. На мѣсто Лепарскаго комендантомъ былъ назначенъ Ребиндеръ, родственникъ декабриста Басаргина (см. «Записки Басаргина»), вышедшаго на поселеніе въ 1836 году. Генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, во время ссылки декабристовъ былъ сперва Лавинскій, затѣмъ Броневскій, на котораго декабристы произвели очень благопріятное впечатлѣніе и, наконецъ, съ 1847 года, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

II.

Любезный другъ Андрей! Давно не бесѣдовалъ я съ тобою, но не раззнакомился и не переставалъ тебя любить сердечно, какъ истиннаго и вѣрнаго друга. Я называлъ тебя съ самаго начала тѣмъ именемъ дружескимъ, которымъ тебя называлъ добрый мой родитель, поручая тебѣ Наташу¹⁾. Его память для меня священна и послѣднее слово его для меня драгоцѣнно. Оно указало на тебя, любезный другъ, и потому я еще съ большей любовью къ тебѣ говорю. Какъ изъяснить тебѣ, почему я тебѣ пишу. Просто скажу тебѣ, потому что случай представился, въ который я могу сказать тебѣ нѣсколько словъ безъ свидѣтелей, которые хотя не мѣшаютъ,

¹⁾ Наталья Петровна Оболенская вышла замужъ за князя Александра Петровича Оболенскаго, бывшаго впоследствии почетнымъ опекуномъ въ Московскомъ присутствіи.

но докучливы, притомъ хочу поговорить тебѣ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Съ 21-го года я съ тобой не видался. Вотъ уже прошло 17 лѣтъ съ того времени: ты потерялъ Катю¹⁾; въ ней ты потерялъ часть необходимую твоего существа, твоего земнаго благополучія; а я потерялъ въ ней сестру, друга юности, сердце крѣпко любящее и неизмѣнное. Словомъ то, что незамѣнимо въ этой жизни. Его любовь ко мнѣ перешла въ твое сердце, милый другъ; и хотя мы доселѣ молчали повидимому другъ съ другомъ; но я знаю, что ты меня любишь искренно, вѣрно;—благодарю тебя за это чувство. Душевно желалъ бы, чтобы въ дѣтяхъ твоихъ сохранилось бы то же чувство: но это можно желать; а исполненіе не возможно. Они меня не знаютъ, и не узнаютъ на семь свѣтѣ; они никогда не узнаютъ, что вся ихъ будущность для меня драгоценна,—что всякій добрый поступокъ ихъ, все что въ нихъ будетъ добраго, искренно будетъ меня радовать: словомъ что во всемъ, что касается до нихъ я буду принимать искреннее участіе. Отзывъ батюшки и сестеръ о твоихъ дѣтяхъ душевно меня утѣшали: они согласны въ похвалахъ. Какъ отецъ ты сдѣлалъ для нихъ все, что можно сдѣлать. Ты былъ для нихъ и наставникомъ и другомъ. Дай Богъ тебѣ пожать плоды твоихъ трудовъ. Я увѣренъ, что они не будутъ напрасны. Ихъ любовь къ тебѣ будетъ тебѣ утѣшеніемъ; постепенное развитіе сѣмянъ, тобою посѣянныхъ, будетъ тебя радовать въ нихъ. Но при всемъ добромъ, что я тебѣ сказалъ, скажу искренно, что я не безъ страха за твоего Васиньку²⁾, который уже въ юношескихъ лѣтахъ, и уже началъ свое поприще. Дай Богъ ему начать его съ благословеніемъ Божиимъ, а продолжать со страхомъ Божиимъ. Зная самъ какъ скользки пути въ мірѣ, какъ все ласкаетъ чувствамъ, страшусь невольно за всякаго юношу, который входитъ въ свѣтъ, люблю я ихъ душевно, какъ существа, въ которыхъ жизнь еще готова развиться и принести прекрасные плоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь, чтобы плоды не были не соответственны ожиданіямъ. Вотъ что скажу Васинькѣ въ особенности. Живи, милый другъ мой, такъ, какъ бы невидимо присутствующій Богъ видимо тебѣ предстоялъ:—приучи себя любить Бога, всѣмъ сердцемъ твоимъ; и знай, что ты не найдешь лучшаго друга и отца. Ему повѣрай свои скорби, свои заботы, свой страхъ, свои желанія и вѣрь, что во всемъ ты будешь утѣшенъ, успокоенъ, обрадованъ. Это истинно и вѣрно, какъ вѣренъ и истиненъ самъ Богъ;—моя скорбь, милый другъ, единственно въ томъ, что можетъ быть твои дѣти не постигли еще вполне, и не знаютъ, что никто, кромѣ Бога,

¹⁾ Екатерина Петровна Протасьева, рожд. Оболенская, скончалась 1-го іюня 1827 года.

²⁾ В. А. Протасевъ служилъ въ конной артиллеріи, затѣмъ жилъ въ деревнѣ и умеръ въ 1873.

не можетъ насъ сохранить отъ грѣха, и всѣхъ его послѣдствій. Впрочемъ, извини мою заботливость: она истекаетъ изъ глубины души, отъ всей полноты любви не земной. Духъ матери ихъ, живущей нынѣ въ горнихъ селеніяхъ, можетъ быть говорить теперь моими устами. Все это тебѣ знакомо, милый другъ, и вѣрно все предвидѣно тобою для блага твоихъ дѣтей, но пусть и мое слово будетъ въ согласіи съ тобою и я вдвойнѣ буду радъ. Какъ сказать тебѣ теперь о всемъ томъ, что я чувствовалъ при извѣстіи о смерти добраго родителя, нѣжнѣйшаго друга, души любящей не земной любовью, души кроткой, ангельской, тихой, безмятежной, терпѣливой и даже долготерпѣливой, снисходительной, но не къ пороку, и чистой по возможной чистотѣ здѣсь на землѣ. Эта душа была частью моей души, своею любовью она меня согрѣвала; своею молитвою она ниспосылала на меня милость Божію, она меня утѣшала, соединяла со всѣми вами узами той любви, которую онъ самъ носилъ въ сердцѣ ко всѣмъ вамъ. Все это было, а теперь осталось воспоминаніе, печать вѣчной, неразрывной любви въ сердцѣ; утѣшительное чувство, что я его любилъ и что имъ я былъ любимъ: но самого его ужъ нѣтъ. Вотъ все что скажу о своей потерѣ: уже давно онъ былъ не земной; но большею и лучшею частью своего существа онъ былъ уже небесный житель; но и снисходя къ земнымъ, на насъ однихъ онъ останавливался; на однихъ смотрѣлъ съ радостью, на другихъ съ утѣшеніемъ, на иныхъ съ надеждою на будущее; на всѣхъ съ отцовской любовью, которой кажется нѣтъ выше на землѣ:—ты послужилъ ему, милый другъ, въ послѣдніе годы его жизни, въ тяжкое для него время при раздѣлѣ имѣнія, ты послужилъ ему еще болѣе въ послѣдніе часы его жизни, ты принялъ его послѣднюю улыбку, послѣднее привѣтствіе, послѣднее лобзанье; цѣлую твои уста, цѣлую твои руки, они всѣ освящены. Не было Катеньки: но ты былъ тутъ и замѣнилъ ее. Не могу выразить всего, что чувствую, милый другъ, но люблю тебя отъ всей души. Послѣ всего того, что сказалось отъ сердца, что мнѣ осталось тебѣ сказать:—всей души не исчерпаешь; тамъ глубина неизмѣримая, когда духъ Божій растворитъ сердце любовью: эта любовь обнимаетъ всѣхъ, она достигаетъ за предѣлы этого міра; она согрѣваетъ тихо, безмятежно; она упоетъ, ублажняетъ душу росой не земною. Это даръ Божій; имъ согрѣтый, я говорилъ съ тобою; и духъ родителя какъ будто присутствовалъ въ моей бесѣдѣ.—Незабвенна его память, непрестающая любовь къ нему. Но обращаюсь къ тебѣ, милый другъ; со времени твоего отъѣзда изъ Москвы, я не знаю ничего о тебѣ. Варинька ¹⁾ мнѣ ничего не могла сказать, потому что не знала, куда ты опредѣлишь Васиньку по твоему желанію. Вообще съ отъѣздомъ Наталіи я лишился извѣстій

¹⁾ Варвара Петровна Прончищева, сестра Оболенскаго (см. 1-е письмо).

частыхъ о всѣхъ васъ:—когда будешь писать къ нимъ, не забудь подтверждать, чтобы они увѣдомляли меня о тебѣ со всей подробностію.

Личной переписки съ тобой я не буду заводить, во-первыхъ, потому что не самъ пишу¹⁾; а во-вторыхъ, потому что думаю иногда: не повредить ли Васинькѣ мое родство, хотя увѣренъ, что государь нашъ не обращаетъ на это вниманія; но по чувству, свойственному всякому въ моемъ положеніи, эта мысль невольно вкрадывается въ сердце. Не думай, любезный другъ, видѣть во мнѣ либерала. Самъ Господь (я смѣло скажу) вычеркнулъ меня изъ этого списка.—Со страхомъ скажу: я рабъ Божій, не вѣрный и грѣшный; и смѣло скажу: я вѣрноподанный моему государю, и сынъ вѣрный церкви. Съ этими названіями, съ этими титлами, если Господь насъ утвердитъ своею печатью ненарушимую и истинною, я перейду въ вѣчность, вопреки всему тому, что скажутъ и будутъ говорить люди.—Такимъ ты меня знай, любезный другъ, и такимъ ты меня помышляй. О себѣ лично мнѣ нечего тебѣ болѣе говорить: 11-ти-лѣтнее заключеніе оставило на мнѣ свои слѣды также какъ и надъ всѣми моими товарищами: пока душа живетъ, я доволенъ; я многого не желаю. Перейду теперь къ денежнымъ дѣламъ: я знаю, что ты устраивалъ насъ, знаю, что ты обо мнѣ имѣлъ попеченіе, исполняя волю батюшки; увѣренъ, что ты все сдѣлалъ, что могъ для блага всей семьи: я писалъ брату Константину чрезъ начальство о нѣкоторыхъ моихъ распоряженіяхъ изъ того капитала, который мнѣ назначенъ былъ батюшкой,—вотъ они: уплатить Нарышкину долгъ 4,000 рублей съ процентами по 5-ти на сто въ годъ, считая съ 1826 года, что составитъ 6,500 рублей. Послать мнѣ на уплату моего долга здѣсь 2,500 рублей;—отъ имени батюшки дать Жеребцову 100 рублей, Парфену Кузнецову 100 рублей. Егору Кудрявцеву отъ меня въ уплату моего долга 100 рублей; и отъ батюшки 50 рублей. Левашову 50 рублей, 100 рублей раздѣлить кучеру батюшки, его дѣвчонкѣ, и другимъ поближе ему, которыхъ онъ болѣе любилъ, отъ имени батюшки. Отъ его же имени въ Троицко-Сергіевскую лавру 250 рублей; и въ Новодѣвичій монастырь въ память матушки 250 рублей: Всей суммы 40,000 рублей: слѣдовательно у меня должно остаться капиталу 30,000 рублей; но это еще не все, изъ этихъ 30,000 я отдѣляю еще 5,000 рублей: вотъ ихъ назначеніе—2,500 рублей я даю одному изъ моихъ товарищей—Якубовичу²⁾.

¹⁾ Приводимое письмо Оболенскій написалъ цѣликомъ самъ, это можно видѣть изъ сравненія почерка этого письма съ первымъ, которое безспорно имъ самимъ написано. Этой фразой Оболенскій хотѣлъ указать на то обстоятельство, что обыкновенно ему приходится писать черезъ начальство (см. ниже о письмѣ къ брату), а для писемъ собственноручныхъ и не контролируемыхъ онъ долженъ былъ пользоваться благопріятнымъ случаемъ, и потому онъ являлся какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила.

²⁾ О Якубовичѣ см. прим. къ первому письму.

Онъ былъ человѣкъ богатый и, кромѣ того, имѣлъ отца нѣжнаго и любящаго. Но вотъ уже третій годъ, что онъ пересталъ ему писать, и никакой помощи ему не посылаетъ; этимъ временемъ онъ вошелъ въ долги, будучи увѣренъ въ словѣ отца, который переводилъ капиталъ на его имя. Теперь онъ остался безъ ничего, и съ долгомъ, который нечѣмъ уплатить:—онъ не говорилъ мнѣ о своихъ нуждахъ, и я не сказалъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но твердо положилъ въ сердцѣ помочь ему, если только будетъ возможность. 1,000 рублей я назначаю товарищу моего заключенія, старцу избитому въ бояхъ, который дѣлитъ со мною хлѣбъ-соль вотъ уже четыре года; 1,500 рублей оставляю себѣ на обзаведеніе къ поселенію.—Исполненіе всего этого я поручаю тебѣ, и увѣренъ, что ты также искренно и вѣрно его исполнишь, какъ я этого желаю. Если Якубовичъ получить деньги изъ дому, то онъ отдастъ мнѣ мою ссуду: еслижъ нѣтъ, то счеты мои кончены какъ теперь, такъ и въ будущее время. Послѣдніе 5,000 рублей ты можешь переслать на имя нашего плацъ-маіора полковника Осипа Адамовича Лепарскаго при письмѣ, въ которомъ ты объяснишь, что 2,500 рублей посылаешь мнѣ на обзаведеніе; а 2,500 рублей просишь его передать Александру Ивановичу Якубовичу, по счету твоему съ его родственникомъ, ему извѣстному.—Я не думаю, чтобы ты опасался вступить въ эту переписку, но какъ отецъ тебѣ можетъ придти эта мысль, и потому въ этомъ случаѣ дѣйствуй, какъ тебѣ покажется лучше; но исполни мое желаніе. Такъ какъ я ничего не знаю о...

Конецъ этого письма къ сожалѣнію утраченъ. Все о чемъ просилъ Оболенскій Протасьева, тотъ исполнилъ. Благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ правительства, срокъ работъ первому разряду преступниковъ истекъ въ 1838 и въ 1839 годахъ. Оболенскій съ товарищами вышелъ на поселеніе. Оболенскаго поселили въ Туринскъ и затѣмъ перевели въ Ялутуровскъ, гдѣ онъ нашелъ друзей своихъ Пущина и Якушкина. Слѣдующія два письма писаны Оболенскимъ изъ Туринска, а послѣднее изъ Ялутуровска.

III.

Андрею Васильевичу П.....¹⁾. Не знаю, любезный другъ Андрей, отъ чего доселѣ я не имѣю отъ тебя ни малѣйшей вѣсточки, ты такъ давно имѣешь мое письмо, что могъ бы передать нѣсколько

¹⁾ П.... Протасьевъ. Это письмо какъ видно изъ самаго адреса (Оболенскій не рѣшился писать полной фамиліи Протасьева и подписаться) также дошло не легальнымъ путемъ. Оно доставлено Ник. Иван. Пуцинымъ, братомъ Ив. Ив., о которомъ говорилось въ примѣчаніи къ первому письму.

словъ черезъ нашего общаго знакомаго, но ты молчишь и я не знаю, какъ ты рѣшилъ мою просьбу къ тебѣ¹⁾. Я увѣренъ, что по сердечному желанію ты готовъ все исполнить; но по средствамъ можетъ быть нѣтъ той полной возможности, которая могла бы тебѣ развязать руки: скажу тебѣ, милый другъ, что братъ Константинъ рѣшительно ничего не можетъ для меня сдѣлать. Нынѣшній годъ хуже всѣхъ прежнихъ:—доселѣ онъ не выслалъ мнѣ еще условленнаго дохода; поѣхалъ теперь въ Бутурлино откуда съ первой почтой обѣщается выслать недоимокъ; но я не твердо увѣренъ въ исполненіи; между тѣмъ я долженъ, непременно долженъ заплатить и потому желалъ бы какъ-нибудь изворотиться, чтобы избавясь отъ долга остаться чистымъ и честнымъ. Ты меня упрекаешь въ неблагоразуміи:—я давно самъ себя въ этомъ упрекаю; но до сихъ поръ не могу излѣчиться отъ неизлѣчимой болѣзни: впрочемъ, милый другъ, уже поздно себѣ дѣлать упреки, когда исправить нельзя того, что сдѣлано: но желательно бы исправить и въ этомъ я прошу твоего содѣйствія.—Если тебѣ нельзя будетъ мнѣ выслать всѣхъ пяти тысячъ, о которыхъ я тебя просилъ; то вышли три и я буду доволенъ и этимъ:—современемъ Константинъ устроится и дошлетъ мнѣ то, что мнѣ нужно; однимъ словомъ, другъ Андрей, дѣйствуй въ мою пользу, какъ можешь; ты знаешь, сколько можешь меня этимъ обязать: оставляю это въ твоихъ рукахъ и расположеніи, а теперь поговорю о тебѣ самомъ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ я прочелъ описаніе каждаго изъ твоихъ дѣтей, ты себѣ можешь легко представить. Твои попеченія о нихъ не были и не будутъ тщетны; въ этомъ я убѣжденъ. О старшемъ нечего говорить—Василій въ тѣхъ лѣтахъ, что ему достаточно того чувства, которое онъ питаетъ къ тебѣ, чтобы оградить отъ какого-нибудь дурнаго поступка:—и такъ если его направленіе хорошо, то можно ожидать, что и теченіе жизни будетъ таковымъ же, хотя нельзя ни за что поручиться:—милый другъ, ты самъ знаешь, какъ трудно пройти безбѣдно путемъ жизни.—Единому Господу возможно провести насъ по этому бурному морю къ вѣрному и тихому пристанищу.—Ему и поручаю всѣхъ твоихъ дѣтокъ мысленно; но каждаго изъ нихъ прошу тебя обнять за меня особенно: пусть каждый изъ нихъ знаетъ, что я горжусь каждымъ изъ нихъ, и хотя не имѣю надежды ихъ когда-либо увидѣть въ здѣшней жизни; но что если Господь не отвергнетъ меня, то надѣюсь съ ними увидѣться въ будущей. Родство наше не пустой звукъ; но сила связующая насъ и въ здѣшней и въ будущей жизни.—Я увѣренъ, что и они хранятъ ко мнѣ чув-

¹⁾ Протасевъ болѣе года, въ силу различныхъ обстоятельствъ, не писалъ Оболенскому. Въ чемъ заключалась просьба Оболенскаго видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма.

ство родственное, отъ тебя наслѣдованное. Милость Божія хранящая насъ всѣхъ, да сохранить ихъ на хорошемъ пути и утвердить на незыблемомъ основаніи Вѣры, отъ которой проистекаетъ одно добро. Не много могу съ тобою бесѣдовать теперь, милый другъ, но многое хотѣлось бы тебѣ передать!—ты думаешь, что мы съ тобою не увидимся, потому-что тебѣ пошелъ седьмой десятокъ; нѣтъ, милый другъ, не твои года будутъ помѣхой нашему свиданію ¹⁾, а твердое убѣжденіе, что край родной для меня закрытъ: на милость образца нѣтъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но и тутъ намъ должно пройти черезъ Кавказъ, для того, чтобы съ вами увидѣться; а для Кавказа у меня уже нѣтъ силъ:—моя физика много ослабѣла въ эти послѣдніе годы—не чувствуя никакихъ особенныхъ болѣзней, я вижу, что слабѣю силами и этому горю уже не могу помочь:—по нравственному расположенію, душа еще сильно живетъ и ощущаетъ, но тѣло ей не сильный помощникъ. И такъ о свиданіи нечего думать. Теперь пока прощусь съ тобой: — въ обратный проѣздъ Н. Ив. ²⁾ ты получишь отъ меня граматку попространнѣе: тебѣ извѣстный и вѣрный другъ твой:—августа 7-го, 1842 года.

Изъ слѣдующаго письма видно, что Оболенскій получилъ, наконецъ, отъ Протасьева тѣ свѣдѣнія, которыя ожидалъ получить.

IV.

Октября 13-го, 1842 года.

Ты можешь себѣ легко представить, милый другъ и братъ Андрей, что твоя дружба, твоя услуга, твоя всегдашняя готовность быть полезнымъ и словомъ и дѣломъ, личная ко мнѣ твоя снисходительность и дружба, не измѣнившіеся ни временемъ, ни обстоятельствами—все это составляетъ такой невещественный богатый капиталъ, который къ тебѣ все болѣе и болѣе привязываетъ. Что же мнѣ тебѣ болѣе говорить и какъ лучше тебѣ выразить, какъ я тебя цѣню, и какъ мнѣ усладительны сношенія съ тобою. Ты самъ будешь умѣть разгадать мои чувства и мысленно пожать мнѣ руку въ знакъ мысленнаго, но близкаго нашего сердечнаго единенія. Дай Богъ, чтобы оно еще долго продолжалось здѣсь на землѣ, и чтобы оно сохранилось на вѣки за предѣлы этого міра. Такъ тверды и непреложны должны быть наши связи, какъ христіанъ; такъ милый другъ желалъ бы душевно, чтобы оно исполнилось:—и такъ насъ учитъ святая наша вѣра. Дагерротипы твои получилъ, и порадовался смотря на семью

¹⁾ Оболенской ошибался—онъ увидѣлся съ Протасьевымъ (см. конецъ статьи).

²⁾ Николай Ивановичъ Пущинъ объѣзжалъ Сибирь для обозрѣнія судебныхъ мѣстъ по порученію министра юстиціи.

мною многолюбимую, но которыхъ черты мнѣ были не знакомы. Надѣюсь со временемъ увидѣть и твоего моряка и твою Анюту съ мужемъ ¹⁾ Не могу не убѣждаться, что я ихъ не встрѣчу болѣе на землѣ, что мнѣ уже не суждено узнать ихъ лично; но черты ихъ лица мнѣ будутъ знакомы и это будетъ для меня утѣшительно. Въ твоёмъ портретѣ я не вижу большей переменны противъ того времени, какъ тебя зналъ. Нельзя, чтобы 20-тилѣтній срокъ не оставилъ послѣ себя слѣдовъ, но для меня въ портретѣ это едва замѣтно.—Я не могу себѣ представить твою особу иначе, какъ я ее видалъ прежде и потому остаюсь при моемъ мнѣніи, что ты мало измѣнился. Васинька твой мужественъ, плечистъ, въ фізіономіи нѣтъ изнѣженности свѣтской, и того равнодушія ко всему какое замѣтно во многихъ dandy или львахъ.—Дай Богъ, чтобы онъ все шелъ тѣмъ хорошимъ путемъ, которымъ началъ свое поприще, и бывъ крѣпокъ тѣломъ, скрѣпилъ бы душу, отъ состоянія которой зависитъ его истинное благо:—О Евгенюшкѣ ²⁾ не говорю:—это милый отрокъ, довольно серьезный по выраженію лица; ты его описывалъ мнѣ и это описаніе меня сблизило съ нимъ, и заставило полюбить. Но возможно ли мнѣ не любить дѣтей Катиныхъ и твоихъ: это кажется не подлежить вопросу.

Много, мой другъ, ты меня усладилъ своей бесѣдой, касаясь направленія, которое ты стараешься дать твоимъ дѣтямъ. Изъ словъ твоихъ я не могу не видѣть глубокаго чувства, которымъ ты проникнуть и силы желанія твоего направить ихъ на путь жизни истинный. Знаю и постигаю всю трудность направить, всѣми бурями молодости жизни и свѣта обуреваемый корабль юноши къ вѣрной и извѣстной цѣли:—человѣку это не возможно;—но для Бога все возможно—слово непреложное, какъ тотъ, кто его изрекъ. Многое въ твоёмъ словѣ отрадно и справедливо, но во многомъ я не согласенъ съ тобой. Зная отчасти свѣтскую жизнь, ея законы, ея требованія, съ трудомъ могу согласиться, чтобы юношу подчинить этимъ законамъ: ты самъ знаешь, какъ несправедливы приговоры міра, какъ его правила и законы ложны въ примѣненіяхъ, хотя основаніе ихъ истинно. По моему мнѣнію, первымъ долгомъ въ отношеніи къ юношѣ, я почелъ бы разоблачить постепенно передъ нимъ свѣтлую наружность міра, столь блестящаго въ формахъ, и столь ничтожную въ сущности:—можно ли и должно ли подчиняться общему мнѣнію, когда это общее мнѣніе несправедливо, ложно, и даже губительно. Я знаю всю трудность освобо-

¹⁾ Анна Андреевна Протасьева была замужемъ за Павломъ Матвѣвичемъ Муравьевымъ,—двоюроднымъ братомъ извѣстнаго Михаила Николаевича Муравьева.

²⁾ Евгенийъ Андреевичъ Протасевъ, живущій въ Петербургѣ, имѣлъ любезность дать мнѣ многія разъясненія относительно содержанія этихъ писемъ, за которыя я считаю долгомъ выразить ему свою сердечную благодарность.

даться отъ этихъ цѣпей: но юношѣ съ крѣпкими нравственными силами должно внушить то истинное величїе характера, которое прїобрѣтается борьбою за истину, противъ всего міра. Не подчиняться міру долженъ человѣкъ христїанинъ, но побѣждать міръ, не словомъ—потому-что слово міра муднѣе его слова,—но дѣломъ высокою своего характера: вѣрою образованнаго и утвержденнаго. Вотъ истинное наше назначеніе:—къ этому долженъ готовиться юноша, вступающій въ свѣтъ, на этомъ поприщѣ долженъ онъ испытывать свои силы, въ этой всегдашней борьбѣ долженъ онъ крѣпнуть, и сдѣлаться твердымъ поборникомъ и мученикомъ истины,—вотъ его назначеніе: пусть наружныя его формы будутъ формы общества, пусть всѣ въ немъ видятъ по наружности тоже, что видятъ у другихъ: но пусть душа его принадлежитъ Единому Богу: она его достояніе:—она носитъ на себѣ образъ Его святой и въ ней Онъ одинъ долженъ отражаться всегда,—для юноши это легче нежели для того, кто душу свою долгимъ порочнымъ обычаемъ затемнилъ и сдѣлалъ ее менѣе способной къ принятію благихъ впечатлѣній. Примѣняясь къ міру, печать міра налагается на душу, и образъ міра, отразившись въ душѣ, затемняетъ ее, и постепенно образуетъ на ней тѣ темныя пятна, которыя изглаживаются въ послѣдствіи однимъ милосердіемъ Божиимъ:—но путь о которомъ я говорю—путь трудный, и тернистый; на немъ предстоятъ много преградъ, и перейти его безбѣдно не возможно; но убѣдиться должно съ самаго начала, что нѣтъ другого пути, и что имъ однимъ должно итти;—надобно знать, что борьба есть наше назначеніе, и съ этою мыслию долженъ юноша вступать въ свѣтъ:—я знаю, что его идеи не ясны, его чувствованія шатки, его желанія наслажденій сильны, но за то силы его крѣпче, его воля сильнѣе, его вѣра чище и несомнѣннѣе; но ты меня спросишь, какимъ путемъ можетъ юноша принять это благое начало, и развить его въ послѣдствіи? — Вѣра, милый другъ, есть наслѣдіе, которое мы получаемъ отъ нашихъ отцевъ: они ее приняли, сохранили, и намъ передали въ благословеніи Божіемъ, надъ ними бывшимъ, и намъ ихъ руками переданномъ.—Этимъ благословеніемъ милость Божія всегда открыта для насъ, двери сердца его отъ насъ не закрыты.—Пусть юноша почувствуетъ и пойметъ, что никто въ мірѣ не можетъ съ такою полнотою любить его, какъ любить его Богъ.—Въ любви отца и матери онъ видитъ отраженіе этой любви.—Ихъ любовью, онъ знакомится съ этимъ святымъ чувствомъ, но отъ нихъ же онъ долженъ научиться любви къ Богу: когда это чувство, эта увѣренность въ этой безпредѣльной полнотѣ любви Бога къ человѣку, единожды вселится въ сердце юноши въ полной вѣрѣ, тогда оно принесетъ свои плоды; къ кому и съ какою большею довѣренностью можетъ обратиться тотъ, кому нужно довѣрить свои радости, свои скорби, всю свою душу—какъ не тому, кто одинъ

можетъ и скорбь утолить, и дать утѣшеніе, котораго никто изъ человѣковъ не можетъ дать!—Но все это не приходитъ вдругъ. Но началомъ можетъ и должна быть полная довѣренность къ Богу, столь же близкому къ намъ, какъ наше собственное дыханіе: съ этимъ началомъ, начнется рядъ дивныхъ событій въ нашей душѣ, которыя всѣ будутъ намъ свидѣтельствовать о Богѣ, и во всемъ научать и познавать Его, и болѣе и болѣе любить.—Но человѣкъ долженъ знать напередъ, что съ любовью Божіей, для него настаетъ время борьбы съ міромъ. Онъ долженъ принять этотъ крестъ, и знать, что въ этой борьбѣ и должна состоять его жизнь.

Ты видишь, мой другъ, какъ неистощимъ тотъ предметъ, о которомъ я началъ съ тобою бесѣдовать. Цѣль моей бесѣды состояла въ томъ, чтобы бороться съ міромъ, и что къ этой-то борьбѣ должно приготовить юное поколѣніе и приучить его не дорожить много ни сужденіемъ міра, ни его приговорами, ни его угрозами, ни насмѣшками, но даже его приличіями. Обязанность отцовъ и истинныхъ друзей юнаго поколѣнія, должна состоять въ томъ, чтобы освободить по возможности своихъ питомцевъ отъ рабскихъ цѣпей, налагаемыхъ на нихъ общественными мнѣніями и сужденіями. Много и многое желалъ бы я передать юному нашему поколѣнію; какъ душевно желалъ бы вселить въ нихъ всю высоту ихъ гражданскаго назначенія, какъ сладостно было бы видѣть въ нихъ людей, которые поняли бы свое призваніе на землѣ, быть вѣчными поборниками правды и истины: чѣмъ болѣе они будутъ черпать отъ единого источника истины, тѣмъ болѣе разольютъ этотъ свѣтъ вокругъ себя, тѣмъ высшую пользу принесутъ тому отечеству, котораго они граждане. Но и въ этомъ случаѣ правда Божія въ противоположности съ правдою міра. Цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы правда Божія восторжествовала надъ правдою міра. Это торжество несомнѣнно, потому что поборникомъ ее есть тотъ, кто побораетъ за насъ. Итакъ примите, мои друзья юнаго поколѣнія, коихъ представителями Васинька, Петруша и Евгеній, примите мое усердное желаніе видѣть васъ такими, какими вы можете и должны быть. Помощь Божія несомнѣнна для васъ, друзья мои—повѣрьте мнѣ, что всѣ ваши желанія добра будутъ исполнены—повѣрьте, что съ помощью Божіею, всѣ преграды на пути вашемъ къ добру будутъ устранены. Возьмите себѣ знаменіемъ крестъ Господень, на немъ былъ распятъ Господь и Богъ; по правдѣ человеческой, мірской— по правдѣ Божіей Онъ торжествовалъ и надъ смертію и надъ міромъ, и нынѣ царствію Его нѣтъ и не будетъ конца. Такъ и вы, друзья мои, готовьтесь къ борьбѣ, но будьте увѣрены въ торжествѣ, оно несомнѣнно, какъ непреложенъ Богъ. Съ этимъ словомъ обниму васъ крѣпко, всею крѣпостію любви вѣчной и неизмѣнной.

О денежных ваших дѣлахъ съ тобою, другъ Андрей, не буду много говорить. Я воспользуюсь тою свободою, которую ты мнѣ далъ, и постараюсь исполнить мои обязательства денежные съ тою же любовью, съ какою ты, мой другъ, помогъ мнѣ въ часъ нужды. Это письмо я пишу тебѣ за нѣсколько дней до пріѣзда Николая Ивановича Пуцина; на нынѣшній день окончу мою бесѣду съ тобою, другъ Андрей, при пріѣздѣ Пуцина, заключу еще нѣсколькими строками.

Николай Ивановичъ пріѣхалъ, другъ Андрей, и я долженъ кончить мою бесѣду съ тобою. Ты съ нимъ переговоришь обо мнѣ и выслушаешь его описаніе нашего житія-бытія. Оно скромно и тихо, и по большей части уединенно, кромѣ экстра-ординарныхъ случаевъ, которые по волѣ и по неволѣ сближаютъ съ обществомъ. Посылаю моему другу Васинькѣ туринскаго ¹⁾ художества табачницу на память. Я задалъ художнику трудную задачу, сдѣлать полковника сходнымъ чертами съ даггерротипомъ конно-артиллериста моего знакомца: онъ старался, но не могъ этого сдѣлать. Въмѣсто шитья на воротникѣ онъ поставилъ петлицы. Это непростительно, потому что ошибка замѣчена, когда не было возможности исправить. И такъ пусть идетъ мой подарокъ со всеми ошибками, но пусть напоминаетъ Васинькѣ любящаго его дядю. Жена Ник. Иван. писала ему, что твоя Анночка благополучно разрѣшилась отъ бремени и сдѣлала тебя дѣдушкой. Не знаю съ кѣмъ тебя поздравить—съ внукомъ или внучкой, но радуюсь этой общей семейной радости. Поцѣлуй за меня и твою Анюту и новаго пришельца въ міръ; пожми руку дружески твоему зятю, моему старинному знакомому, въ которомъ я не ожидалъ видѣть въ то время такого близкаго родственника ²⁾. Окончательно прощусь съ тобою, какъ съ истиннымъ другомъ. Если когда-нибудь тебѣ вздумается побесѣдовать со мною, пиши черезъ Натану. Ваши письма нигдѣ не читаются, кромѣ Тобольска: наши проходятъ чрезъ 3-е Отдѣленіе, но и тамъ едва ли они читаются. Оффиціального письма ты не получишь отъ меня: но пока я живъ, я буду имѣть вѣрные случаи перемолвить съ тобою нѣсколько дружескихъ словъ. Прости, другъ Андрей,—обнимаю тебя со всею любовью, какую ты знаешь въ другѣ и братѣ,

Е. Оболенскомъ.

Ноября 12-го, 1842 года.

Слѣдующее и послѣднее письмо написано Оболенскимъ почти черезъ годъ. Въ этотъ промежутокъ времени вѣроятно Оболенскому не представлялось «вѣрныхъ случаевъ» къ передачи письма и онъ не писалъ. Тѣмъ временемъ состоялось перемѣщеніе Оболенскаго въ Ялуторовскъ.

¹⁾ Сдѣланную въ г. Туринскѣ, гдѣ былъ поселенъ Оболенскій и откуда писалъ это письмо.

²⁾ Павелъ Матвѣевичъ Муравьевъ (см. пред. прим.).

V.

Любезный другъ Андрей! Вотъ уже годъ прошелъ, съ того времени, какъ ты мнѣ писалъ и подалъ руку помощи въ часъ нужды, и я еще ничѣмъ не отплатилъ тебѣ за твое одолженіе. Годовой срокъ долженъ бы быть ознаменованъ чѣмъ-нибудь существеннымъ, а между тѣмъ оной-то и нѣтъ доселѣ, и ты можетъ быть меня укоряешь въ неаккуратности. Чтобы болѣе объ этомъ не говорить, то скажу тебѣ, что съ начала будущаго года уплата моя начнется со всею возможною аккуратностью, а если Богъ поможетъ, будетъ продолжаться безостановочно ежегодно до окончательнаго расчета съ тобою. Ты можетъ быть весьма спокоенъ и не думаешь о моемъ долгѣ, но меня онъ тревожитъ весьма часто, и потому я говорю тебѣ объ немъ съ первыхъ словъ моего письма. Чтобы устроиться такъ, какъ мнѣ хочется въ образѣ жизни, мнѣ нужно знать, гдѣ мы будемъ имѣть постоянное наше мѣстожительство: доселѣ оно еще не рѣшено. Здѣсь въ Ялутуровскѣ, мы жильцы на время, наше назначеніе — Тобольскъ. Когда это сбудется, мы утвердимся постоянно и устроимся съ Пуцинымъ на житье въ добромъ согласіи, сообразно съ средствами каждаго изъ насъ. Теперь же наши расходы превышаютъ наши средства; и это не мудрено. Переѣзды съ мѣста на мѣсто сопряжены съ непремѣнными убытками; всего перевести нельзя, то что перевозится, ломается и портится и проч. и проч. Что сказать тебѣ, милый другъ, о томъ годѣ который прошелъ со времени послѣдняго моего письма къ тебѣ. Николай Ивановичъ тебѣ разсказалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, и дополнилъ то, чего не было въ моемъ письмѣ. О тебѣ я слышу отъ Наташи и иногда отъ Николая Ивановича, который замолвить словечко кой-когда и о тебѣ, милый другъ. Въ послѣднемъ (вѣроятно письмѣ) онъ говоритъ, что ты сталъ посѣщать частенько Англійскій клубъ, гдѣ находишь и пріятныхъ собесѣдниковъ, и нѣкоторое развлеченіе въ чтеніи газетъ и журналовъ. Я понимаю отчасти твой образъ жизни, и радуюсь тому, что, кромѣ семейнаго круга, ты участвуешь и въ общественной жизни; такъ какъ вѣроятно ты не садишься въ большія партіи, то цѣлью твоихъ посѣщеній пріятная бесѣда, и нѣкоторое удовольствіе, которое приноситъ столкновеніе съ людьми образованными. Хотя у насъ нѣтъ клуба, но и мы рѣшились назначить дни для соединенія всей братіи въ одну семью. Въ четверги собираются у насъ. По воскресеньямъ у Муравьева: пообѣдаемъ, поболтаемъ, или помолчимъ, кой-о чемъ, поиграемъ въ шахматы, въ вистъ; вечеръ пройдетъ, иногда съ пріятными впечатлѣніями, но всегда съ любовью другъ къ другу.

Чѣмъ же ознаменовался этотъ годъ: признаюсь тебѣ, мало что

могу объ немъ сказать; время шло своимъ чередомъ, однихъ унесло въ могилу, другимъ дало жизнь, а насъ пощадило, прибавивъ еще нѣсколько дней къ итогу всей прошедшей жизни; по обыкновенію, нѣсколько сѣдинъ прибавились къ прежнимъ и отчасти немощи стали проявляться замѣтнѣе прежняго. Все это происходило по наружности, по внутреннему же, не знаю что сказать. Но смѣю воскликнуть съ великимъ Павломъ: хотя мой внѣшній человѣкъ тлѣетъ, но внутренній со дня на день обновляется; оно такъ и должно быть, и иначе не можетъ быть. Господь устроилъ насъ такимъ образомъ, чтобы разрушеніе внѣшняго, служило средствомъ къ возсозданію внутренняго, внѣшнее разрушеніе есть начало смерти; когда мы сближаемся, то видимъ что черезъ нее мы живемъ; умирая ко всему внѣшнему, преходящему, мы оживаемъ для всего вѣчнаго, непреходящаго. Но смерть и разрушеніе не могутъ быть безъ скорбей и болѣзней. Мы не можемъ ихъ любить и желать, потому что и то и другое противно нашему естественному влеченію къ наслажденіямъ; но мы и не призваны къ жизни по естеству, или сообразной съ нашими склонностями; но имѣемъ назначеніе въ жизни сверхъ-естественной, высшей; въ этомъ мы должны убѣдиться ежедневно, ибо должны каждый день бороться съ нашими склонностями, и подчинять наши желанія законамъ высшимъ, но намъ не подчиняется нашъ внѣшній человѣкъ безъ сопротивленія. Этотъ законъ, разумомъ сознаваемый, есть первый нашъ воспитатель; когда мы признаемъ его власть, то бываемъ люди нравственные. Но этимъ цѣль нашей жизни не оканчивается. Человѣкъ нравственный по разуму, великъ въ здѣшнемъ мірѣ; но онъ еще не готовъ для инаго сверхъ-чувственнаго міра. Совершенство его произойдетъ въ то время, когда онъ и разумъ и волю подчинитъ закону Духа, Владычественному надъ всѣмъ и Совершителю всего. Мы христіане призваны къ этой высшей жизни. Первый шагъ по этому поприщу есть вѣра: она начинается въ насъ съ младенческаго возраста; второй—надежда, которую можно назвать вѣрою съ сознаніемъ того Лица въ котораго вѣруемъ; послѣдній, или третій шагъ, есть любовь, или та же вѣра, съ обладаніемъ того Лица, въ котораго вѣровали, и на кого надежду полагали. Это высшее наше воспитаніе происходитъ въ насъ не отъ человѣка; но отъ Бога. Это иначе и не можетъ быть, потому что вся цѣль воспитанія состоитъ въ познаніи и совершенномъ соединеніи съ Богомъ. Ты, я думаю, помнишь слова евангелиста, или лучше Самого Спасителя: Никто Бога не знаетъ, кромѣ Сына, и того, кому Сынъ захочетъ открыть. Я заговорился, милый другъ, и высказалъ тебѣ по сердцу то, что ощущаю, и какъ ощущаю. Не умѣю себя остановить, и не хочу перемѣнять того, что написалъ, хотя можетъ быть ты найдешь, что я коснулся предмета слишкомъ важнаго для этого листка.

Не надѣюсь имѣть отъ тебя лично извѣстій о твоей семьѣ. Твоя молодежь украшаетъ мой кабинетъ своими фигурками; но желательно бы было слышать о нихъ живую рѣчь отъ тебя. Твой Евгенийъ безъ сомнѣнія знакомъ съ товарищемъ своимъ Евгениемъ же Якушкинымъ. Его отецъ близкій мой пріятель, и достойный всякаго уваженія; на дняхъ онъ мнѣ прочелъ письмо сына, котораго содержаніе такъ хорошо выказываетъ лицейскаго юношу, что я душевно пожелалъ, чтобы лицейскіе товарищи, Протасевъ и Якушкинъ, были близки, какъ близки между собою отецъ и дядя ихъ. Если эта дружба между молодыми людьми уже существуетъ, то я буду очень доволенъ; между тѣмъ пріятно было бы услышать твою рѣчь о всѣхъ ихъ. Не сомнѣваюсь, что и Васинька доволенъ службою и служба довольна имъ. По многимъ слухамъ, которые до насъ доходятъ, молодежь нынѣшняя служить не съ тою пріятностью, съ какою мы служили; не могу не вѣрить, чтобы взыскательность по службѣ простиралась до того, чтобы ею оскорблялось офицерское достоинство; между тѣмъ говорятъ, что это бываетъ не рѣдко; по другимъ слухамъ видно, что гвардейскіе офицеры рѣдко бываютъ въ высшемъ кругу, который наполняется молодежью изъ дипломатическаго корпуса, и изъ министерствъ. Слѣдовательно, офицеры должны по большей части проводить дни между собою, что довольно весело; но не столь полезно какъ общество людей образованныхъ.

Настало время кончить письмо. Если хочешь доставить мнѣ удовольствіе прочесть твои строки, то передай ихъ Николаю Ивановичу, который ихъ доставитъ черезъ одного знакомаго, который ихъ доставитъ намъ вѣрно. Итакъ прости, другъ Андрей, съ любовью тебя обнимаю, не забывай друга и брата

Е. Оболенскаго.

Портретъ Петрушки я ожидаю.

Почта пришла и привезла извѣстіе что Евгенийъ Якушкинъ вышелъ изъ лицея и обратился въ Московскій университетъ.

Сентября 12-го, 1843 года.

О жизни Оболенскаго и другихъ декабристовъ въ Ялутуровскѣ даетъ нѣкоторое понятіе письмо И. И. Пущина къ Э. А. Энгельгардту («Русскій Архивъ», 1879 года, № 12). Въ Сибири Оболенскій женился и прожилъ до всемилостивѣйшаго манифеста Александра II отъ 26 августа 1856 года. Тогда онъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь видѣлся съ родными. Затѣмъ Оболенскій жилъ въ Калугѣ и умеръ въ 1865 году. При жизни онъ ничего не печаталъ, хотя вмѣстѣ съ Пущинымъ и составилъ, по видимому, записку о 14-мъ декабря, которая была напечатана послѣ его смерти за границей подъ заглавіемъ мнѣ неизвѣстнымъ. Въ 1856 г. Оболенскій записалъ еще свои «Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ», напечатанныя въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ» въ 1872 г. Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ», 1873 г., № 1, была напечатана переписка Якова Ивановича Ростовцева съ Оболенскимъ. Этимъ, кажется, исчерпывается все, что было напечатано изъ писемъ и записокъ Оболенскаго.

М. Головинскій.